ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

От главного редактора 3

НОВОСТИ НАУКИ И БИЗНЕСА

Станислав Антонович Хохлов: биографический портрет к 80-летию ученого 6

Обзор новых изданий кафедры предпринимательского права УрГЮУ 10

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Белых В. С., Алексеенко А. П. О понятии инвестиции в условиях цифровизации экономики и бизнеса 11

Тасалов Ф. А. Влияние цифровизации на особенности участия в государственных и корпоративных закупках субъектов малого и среднего предпринимательства 17

Тарабаева Н. М. Лизинг недвижимости: проблемы и перспективы развития в России 22

Григорьева О. А. Общий долг супругов: взгляд на проблему 27

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО, ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО

Винницкий А. В., Вагина О. В., Гаевская Е. Ю., Листопад О. Ф., Саввина Л. Я. К вопросу о соотношении водного законодательства и законодательства о недрах 35

Пельвицкая Е. П. Некоторые особенности договора аренды водопроводной скважины, находящейся в частной собственности физического лица и необходимой для обеспечения устойчивого водопользования населенного пункта 42

Дубовик Д. М. Плата за обращение с твердыми коммунальными отходами: анализ проблемы перерасчета 46

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Дьячкова А. В., Контобойцева А. Е. Национальная энергетическая безопасность: новые возможности и угрозы 52

CHIEF EDITOR'S COLUMN

Chief editor's column 3

BUSINESS AND SCIENCE NEWS

Stanislav A. Khokhlov: Biographic Portrait for the Scientist's 80th Anniversary 6

Review of New Publications of the Business Law Department at Ural State Law University 10

CIVIL LAW, BUSINESS LAW, FAMILY LAW

Belykh Vladimir S., Alekseenko Aleksandr P. On the Concept of Investment in the Digitalization of Economy and Business 11

Tasalov Philip A. Digitalization Influence on Participation of Small and Medium Sized Enterprises in Public and Corporate Procurement: New Design 17

Tarabaeva Natalya M. Real Estate Leasing: Problems and Prospects for Development in Russia 22

Grigoreva Olga A. Joint Spousal Debt: View of the Problem 27

ENVIRONMENTAL LAW, LAND LAW

Vinnitskiy Andrey V., Vagina Olga V., Gaevskay Ekaterina U., Listopad Oksana F., Savvina Ludmila Ya. Regarding the Relationships Between Water and Subsoil Legislation 35

Pelvitskay Elisaveta P. Some Peculiarities of Lease Agreement for a Water Well that is Privately Owned by an Individual and is Necessary to Ensure Sustainable Water Use of a Settlement 42

Dubovik Dmitryi M. Charge for Municipal Solid Waste Management: Analyze of Recalculation Problem 46

ENERGY SECURITY

Diachkova A. V., Kontoboitseva A. E. National Energy Security: New Opportunities and Threats 52

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

«Часы! Угрюмый бог, ужасный и бесстрастный!» – такой яркой и красочной фразой известный французский поэт Шарль Бодлер сумел передать стремительность и неумолимость течения времени. В последние годы этот закон особенно справедлив для всех сфер жизнедеятельности общества, в том числе и для юридической сферы.

В юридической среде каждый год характеризуется калейдоскопом разнообразных событий. Одно научное мероприятие сменяет другое. Такое многообразие конференций, мастер-классов, круглых столов, конгрессов, посвященных вопросам права, обусловлено тем, что законодательство и юридическая наука в целом находятся в постоянном своем развитии, поиске новых более совершенных форм, моделей, конструкций и т.д. Количество научных событий и событий в правоприменительной области, неугасаемый к ним интерес не только со стороны научного сообщества, но и практикующих юристов, свидетельствуют об их эффективности, а, следовательно, необходимости!

В этой связи мы, как научный журнал, видим своей задачей помогать в продвижении новых, интересных идей и мыслей как уже известных ученых, так и тех, кто только в начале своего творческого пути!

Искренне желаем всем в Новом 2022 году крепкого здоровья, бодрости духа и неиссякаемой энергии в научной и любой иной сфере! Пусть символ года станет тому примером и (или) талисманом каждого к заветной мечте!

С Новым Годом, дорогие авторы, читатели и друзья Журнала «Бизнес, менеджмент и право»!

С уважением,
Главный редактор

В. С. Белых

БИЗНЕС, МЕНЕДЖМЕНТ И ПРАВО
Научно-практический экономико-правовой журнал
№ 4 (52), 31 декабря 2021 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ **ФОНД «ГАРМОНИЯ И БЛАГОДЕТЕЛЬ»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Белых В. С. – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет».

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Герасимов О. А. – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет».
Бажина М. А. – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бозров В. М. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной деятельности и уголовного процесса Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет».
Винницкий Д. В. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет», директор Института права БРИКС.
Головина С. Ю. – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой трудового права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет».
Дойников И. В. – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)».
Илюшина М. Н. – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».
Исаков В. Б. – заслуженный юрист РФ, член Союза писателей России, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права Факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).
Карелина С. А. – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права Юридического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова».
Камышанский В. П. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», заведующий кафедрой гражданского права и процесса ЧОУ ВПО «Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К. В. Россинского», директор АНО «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права».
Кванина В. В. – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой предпринимательского, конкурентного и экологического права Юридического института ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет).
Козаченко И. Я. – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет».
Круглов В. В. – заслуженный юрист РФ, действительный член (академик) Российской экологической академии, доктор юридических наук, профессор кафедры земельного, градостроительного и экологического права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет».
Кузнецова О. А. – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса, заместитель декана по научной работе Юридического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пермского государственного национального исследовательского университета».

Митин А.Н. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики управления Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет».
Салиева Р.Н. – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и энергетического права Юридического факультета Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Казанского (Приволжского) федерального университета», заведующая лабораторией правовых проблем недропользования, экологии и топливно-энергетического комплекса ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан».
Старилов Ю.Н. – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и финансового права Юридического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Воронежского государственного университета».
Тужилова-Орданская Е.М. – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права Института права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Башкирского государственного университета».
Хазанов С.Д. – кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет», член Научно-консультативного совета ВС РФ.
Шевченко Г.Н. – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Юридического факультета Владивостокского филиала Государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Российской таможенной академии», профессор кафедры гражданского права и процесса Юридической школы Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточного федерального университета».
Ярков В.В. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет».

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Силин Я.П. – доктор экономических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет» (председатель совета).
Беседин А.А. – президент Уральской Торгово-промышленной палаты, председатель правления.
Гаджиев Г.А. – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ.
Перевалова И.В. – кандидат юридических наук, президент Нотариальной палаты Свердловской области.
Решетникова И.В. – доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа.
Сидоркин С.В. – кандидат юридических наук, председатель Арбитражного суда Свердловской области.
Чубаров В.В. – доктор юридических наук, профессор, вице-президент Торгово-промышленной палаты РФ.
Фурдуй С.В. – начальник Службы внутреннего аудита Государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов».

КОММЕРЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР

Белых Д.В. – заместитель руководителя Евразийского научно-исследовательского центра сравнительного и международного предпринимательского права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет».

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

Станислав Антонович Хохлов: биографический портрет к 80-летию ученого

29 ноября 2021 г., в день 80-летия С. А. Хохлова, в Уральском государственном юридическом университете состоялся вечер памяти выдающегося юриста. В вечере приняли участие коллеги, друзья, ученики и родственники Станислава Антоновича. С приветственным словом выступил ректор университета В. А. Бублик. Своими воспоминаниями о С. А. Хохлове поделились В. С. Белых, Г. Г. Пиликин, В. Д. Перевалов, А. В. Казаков, Б. М. Гонгало, В. Н. Туманов, Н. Н. Степанова, В. А. Хохлов (брат С. А. Хохлова) и другие. В ходе вечера памяти прошла презентация книги воспоминаний о С. А. Хохлове (Юрист от Бога: Воспоминания о Станиславе Антоновиче Хохлове / редакторы-составители В. С. Белых, М. Ф. Казанцев. Москва: Проспект, 2021. 192 с.).

Станислав Антонович Хохлов – блестящий ученый-юрист, сыгравший выдающуюся роль в создании проекта Гражданского кодекса Российской Федерации, а, значит, и в развитии всего гражданского законодательства.

Сергей Сергеевич Алексеев, учитель, соратник и друг С. А. Хохлова называл его юристом от Бога. Такой оценке С. С. Алексеева можно всецело доверять, ведь сам он – общепризнанный лидер отечественной юридической науки, ученый с мировым именем.

Большая часть жизни С. А. Хохлова связана со Свердловским юридическим институтом (ныне Уральский государственный юридический университет). В нем он учился в 1959–1965 годах (с перерывом на время службы в армии), окончил аспирантуру, блестяще защитив диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук, а затем долгое время преподавал.

Расцвет преподавательской деятельности С. А. Хохлова приходится на период его работы на кафедре хозяйственного права, которая обеспечивала хозяйственно-правовую специализацию на созданном в 1976 г. факультете правовой службы в народном хозяйстве (ФПСНХ), ныне Институт права и предпринимательства (ИПиП).

В те годы меня, студента первого набора ФПСНХ, и свела судьба со Станиславом Антоновичем.

Первый состав кафедры хозяйственного права, костяком которого были Василий Степанович Якушев, Владимир Иосифович Кофман, Станислав Антонович Хохлов, Динус Нуриманович Сафиуллин и Борис Ильич Минц, стал поистине легендарным. Они-то и занимались нашим обучением. Мы, студенты, чувствовали их мастерство и энтузиазм, который бывает, присущ команде единомышленников, делающих великое общее дело. Каждый член этой команды был уникален, каждый дополнял друг друга, а все вместе они составляли уникальное единое целое – кафедру хозяйственного права.

С. А. Хохлов, доцент кафедры хозяйственного права, кандидат юридических наук, вел семинары по дисциплине «Советское гражданское право» на 2 и 3 курсах в нашей 17 группе, читал лекции и вел практические занятия по дисциплине «Правовые основы регулирования хозяйственной деятельности» на 3 курсе в обеих (17 и 18) группах факультета.

Как преподавателя Станислава Антоновича отличали широкий юридический (и не только) кругозор, точность, тщательная структурированность предлагаемого учебного материала. Его лекции были, наверное, несколько суховаты, без внешних эффектов, к тому же он слегка заикался. Но речь Станислава Антоновича была красива, и красива, прежде всего, глубиной, логикой и выверенностью мысли. Он был мастером юридических формулировок и конструкций.

Станислав Антонович оказал на меня наибольшее влияние – профессиональное, и человеческое – сначала как на студента, а потом как на аспиранта, молодого преподавателя и научного сотрудника. Станислав Антонович – мой Учитель. Он привлек меня к хоздоговорным

разработкам в Свердловском юридическом институте. По его инициативе я был в институте оставлен. С его подачи была избрана тема кандидатской диссертации и в целом основное направление исследований в цивилистике – договорное право. Он открыл для меня счастливую возможность приобщиться к работе над проектом Гражданского кодекса. За это и многое другое всегда был и буду признателен Станиславу Антоновичу.

Мы должны помнить своих учителей. Сами их дела, их судьбы поучительны. Как долг памяти и для молодого поколения юристов привожу здесь биографию С. А. Хохлова в основных событиях, фактах и датах, а следом за ней подборку фотографий – своеобразный биофотографический портрет Станислава Антоновича.

29 ноября 1941 г. – Станислав Антонович Хохлов родился в городе Троицке Челябинской области. Отец – Антон Васильевич Хохлов (6 июня 1913 г., деревня Александрово Каменского сельсовета Пустошинского района Калининской области – 19 января 1982 г., Свердловск, ныне Екатеринбург), военнослужащий, участник Великой Отечественной войны. Мать – Екатерина Александровна Хохлова, урожденная Лисицына (14 ноября 1908 г., деревня Бондари Рассказовского района Тамбовской области – 2 марта 1992 г., Москва, похоронена в Екатеринбурге), педагог. На день рождения сына мать со старшим братом находилась в эвакуации, а отец – на фронте.

Июль (предположительно) 1946 г. – переехал с семьей в Свердловск. Семья поселилась в трехкомнатной коммунальной квартире на третьем этаже дома 44 по улице Первомайской, рядом со зданием Штаба Уральского военного округа. До переезда в Свердловск семья Хохловых непродолжительное время проживала в городах Чебаркуль и Челябинск.

1 сентября 1949 г. – поступил в 1-й класс школы № 37 («мужской») города Свердловска.

Март 1952 г. – переехал с семьей в отдельную двухкомнатную квартиру в новом шлакоблочном доме Турбомоторного завода в жилом районе «Эльмаш» города Свердловска (улица Краснофлотцев, дом 12, квартира 31). В связи с этим перешел в школу № 107 города Свердловска.

1952–1956 гг. – председатель пионерского отряда в 4–7 классах школы № 107.

Ноябрь 1955 г. – вступил в 7 классе во Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи (ВЛКСМ, комсомол).

1 сентября 1956 г. – перешел в школу № 67 города Свердловска.

1957–1959 гг. – секретарь комсомольской организации школы № 67 (во время учебы в 9–10 классах).

Июнь 1959 г. – окончил среднюю школу № 67 Свердловска.

15 июля 1959 г. – поступил на работу на завод электротехнический завод «Уралэлектроаппарат» Министерства электротехнической промышленности СССР в качестве ученика слесаря-сборщика. Далее до августа 1960 г. работал намотчиком цеха 22 завода «Уралэлектроаппарат».

25 августа 1959 г. – зачислен на первый курс Свердловского юридического института (СЮИ) на вечернее отделение.

Август 1960 – июль 1963 г. – служил в Советской Армии, ВВС, в/ч 74985, Пермь (курсант, техник-инструктор, старшина). Во время службы окончил 2 курс заочного факультета СЮИ.

Апрель 1962 г. – вступил в КПСС.

Сентябрь 1963 – декабрь 1965 г. – учился на 3–5 курсах дневного факультета СЮИ, по окончании которого присвоена квалификация юриста по специальности «правоведение».

Апрель 1965 – февраль 1967 г. – работал в прокуратуре Кировского р-на Свердловска (стажер, с 1966.01 помощник прокурора).

30 декабря 1966 – декабрь 1969 г. – учился в аспирантуре СЮИ по кафедре гражданского права (науч. рук. О. А. Красавчиков).

25 апреля 1970 г. – защитил кандидатскую диссертацию «Гражданско-правовое регулирование отношений по созданию и реализации индивидуального оборудования» (диплом ВАК от 1970.11.20).

1 февраля 1970 – июль 1970 г. – преподаватель кафедры гражданского права СЮИ.

Июль 1970 – июнь 1971 г. – старший научный сотрудник Свердловского института народного хозяйства.

4 июня 1971–31 августа 1973 г. – старший преподаватель, доцент кафедры теории государства и права СЮИ.

1 сентября 1973 – 4 декабря 1989 г. – доцент кафедры хозяйственного права (в 1983–1985 – старший научный сотрудник) СЮИ.

Сентябрь 1976 – июль 1977 г. – научная стажировка в школе бизнеса Лондонского городского университета (Англия).

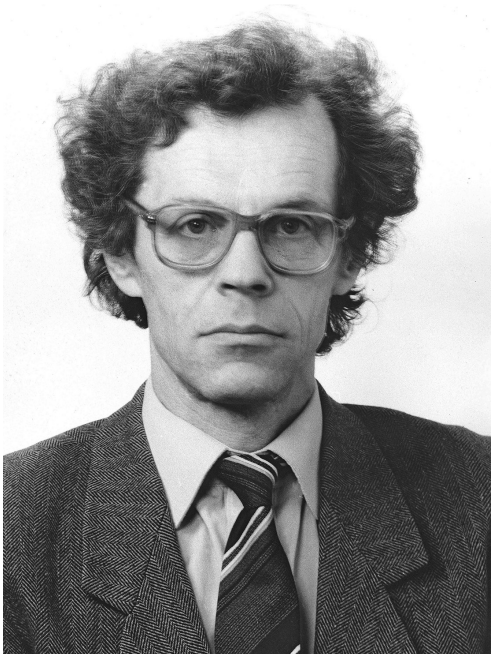
23 августа 1978 г. – решением ВАК присвоено ученое звание доцента по кафедре хозяйственного права.

4 декабря 1989 г. – последний день работы в СЮИ, переезд в Москву.

5 декабря 1989 – май 1990 г. – старший консультант Отдела по вопросам законодательства и правопорядка Секретариата Верховного Совета СССР.

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
Научно-практический экономико-правовой журнал

Семья Хохловых: родители Екатерина Александровна и Антон Васильевич; братья Владимир и Станислав (*справа*). Середина 1950-х, Свердловск



Станислав Антонович Хохлов. Начало 1990-х

Кафедра хозяйственного права. 1-й ряд (*слева направо, сидят*): В. С. Белых, Л. С. Малоцкотин, В. С. Якушев, В. И. Кофман; 2-й ряд: А. В. Казаков, Н. А. Федорова, Б. И. Минц, Д. Н. Сафиуллин; 3-й ряд: Г. Г. Пиликин, М. Ф. Казанцев, С. А. Хохлов. Октябрь 1984 г.

Вечер памяти С. А. Хохлова в УрГЮУ, 29 ноября 2021 г. За столом сидят (*по часовой стрелке, начиная с ближнего*): О. А. Герасимов, В. А. Хохлов, М. Ф. Казанцев, В. С. Белых, В. А. Бублик, Г. Г. Пиликин, А. В. Винницкий, Д. А. Гаврин, А. В. Казаков; за отдельным столом В. Д. Перевалов

Май 1990 – декабрь 1992 г. – заместитель начальника Секретариата Комитета конституционного надзора СССР.

30 ноября 1991 г. – утвержден членом Совета Межреспубликанского исследовательского центра частного права.

3 декабря – 27 декабря 1991 г. – исполняющий обязанности исполнительного директора Межреспубликанского исследовательского центра частного права.

Январь – июль 1992 г. – работал исполняющим обязанности исполнительного директора Исследовательского центра частного права.

Май 1992 г. – утвержден членом Научно-консультативного совета при Высшем Арбитражном Суде Российской Федерации.

15 июня 1992 г. – утвержден членом рабочей группы для разработки проекта Гражданского кодекса Российской Федерации.

14 июля 1992 г. – назначен исполнительным директором Исследовательского центра частного права при Президенте Российской Федерации.

23 апреля 1993 г. – утвержден членом рабочей комиссии по подготовке предложений о внесении изменений в законодательство о государственных и муниципальных предприятиях.

5 мая 1993 г. – утвержден членом рабочей группы по разработке проекта Устава российского казачества.

26 мая 1993 г. – утвержден членом оперативной группы по анализу и обобщению предложений и замечаний по проекту Конституции Российской Федерации.

25 сентября 1993 г. – утвержден членом комиссии по рассмотрению и подготовке нормативных актов по реформе государственных предприятий и управлению федеральной собственностью.

30 сентября 1993 г. – утвержден членом рабочей группы по правовому обеспечению выполнения Указа Президента РФ от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации».

1993–1995 гг. – доцент кафедры коммерческого права юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (по совместительству). Читал спецкурс «Правовое обеспечение договорной работы в народном хозяйстве».

1994–1995 гг. – член коллегии Министерства юстиции Российской Федерации.

5 мая 1994 г. – назначен представителем Президента Российской Федерации при рассмотрении в Государственной Думе проекта части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и проекта Закона РФ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

18 июня 1994 г. – присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации» за заслуги в укреплении законности, успешную нормотворческую деятельность и многолетнюю добросовестную работу.

18 июля 1994 г. – утвержден членом Совета Научно-консультативного центра частного права СНГ от Российской Федерации.

17 марта 1995 г. – назначен ректором Российской школы частного права.

1 ноября 1995 г. – назначен официальным представителем Президента РФ при рассмотрении в палатах Федерального Собрания проекта части второй Гражданского кодекса Российской Федерации и проекта Федерального закона «О введении в действие части второй Гражданского кодекса Российской Федерации».

Февраль 1996 г. – утвержден членом Межведомственного научно-экспертного совета по конкурентной политике при Государственном комитете Российской Федерации по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур.

2 июля 1996 г. – утвержден третейским судьей Третейского суда для разрешения экономических споров при Торгово-промышленной палате Российской Федерации.

2 декабря 1996 г. – Станислав Антонович Хохлов умер в Москве. Похоронен в Екатеринбурге на Восточном кладбище.

М. Ф. Казанцев,
доктор юридических наук,
профессор кафедры предпринимательского права
Уральского государственного юридического университета

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

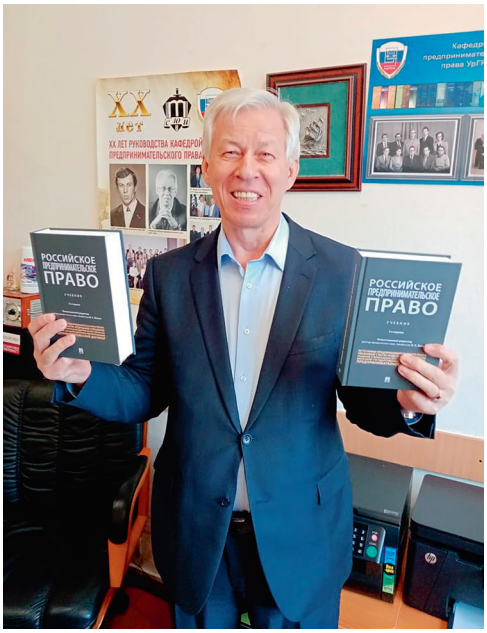
Обзор новых изданий кафедры предпринимательского права УрГЮУ

В начале ноября 2021 г. вышел в свет новый учебник «Российское предпринимательское право» под редакцией доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, заведующего кафедрой предпринимательского права УрГЮУ В. С. Белых.

Учебник подготовлен коллективом кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета в соответствии с программой учебного курса по предпринимательскому праву. При его подготовке использованы современные достижения теории и практики правового регулирования предпринимательской деятельности, а также опыт законотворчества и научных исследований в промышленно развитых странах.

Структура и содержание учебника выдержаны в контексте единой экономико-правовой концепции предпринимательства с учетом межотраслевого (комплексного) методов правового регулирования отношений в данной сфере.

Книга в первую очередь адресована бакалаврам, магистрантам, проходящим подготовку по учебным программам, аспирантам, преподавателям юридических и экономических вузов и факультетов, а также для всех, кто интересуется вопросами применения предпринимательского законодательства.



УДК 346.7

О понятии инвестиции в условиях цифровизации экономики и бизнеса[2]

Белых В. С., Алексеенко А. П.

Аннотация: В статье проведен анализ понятия инвестиции с учетом реалий цифровой трансформации экономики. Основываясь на сравнительном анализе существующих легальных дефиниций инвестиций в российском законодательстве и доктрине, выделен такой их связующий характерный признак как цель их осуществления. Кроме того, доказывается, что инвестиции представляют собой объекты гражданских прав, вкладываемые в объекты предпринимательской деятельности. Выявлено, что предложенная дефиниция инвестиций, осуществляемых при помощи инвестиционных платформ, некорректна и требует доработки, так как не опирается на существующие подходы к дефиниции таких капиталовложений. Авторы указывают на то, что легальное определение инвестиций в Законе об инвестиционных платформах не указывает на объекты, куда они вкладываются. Также высказываются сомнения о возможности осуществления инвестиций посредством их вложения в утилитарные цифровые права или при помощи займа. В статье делается вывод о необходимости соблюдения единой концепции инвестиций и о приведении инвестиционного законодательства к непротиворечивости внутри себя.

Ключевые слова: инвестиции, цифровизация, цифровые финансовые активы, объект гражданских прав, инвестиционная платформа, инвестор

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ проект № 20-011-00454 «Обеспечение прав инвесторов в банковском и финансовом секторах в условиях цифровизации экономики в РФ и ведущих финансовых центрах Восточной Азии: сравнительно-правовой аспект».

On the Concept of Investment in the Digitalization of Economy and Business[3]

Vladimir S. Belykh, Aleksandr P. Alekseenko

Abstract: The article analyzes the concept of investment, taking into account the realities of the digital transformation of the economy. Based on a comparative analysis of the existing legal definitions of investment in the Russian legislation and doctrine, their cohesive characteristic feature as the purpose of their implementation is highlighted. In addition, it is proved that investments are the objects of civil rights invested in the objects of entrepreneurial activity. It is revealed that the proposed definition of investments made with the help of investment platforms is not correct and demands revision as it is not based on the existing approaches to the definition of such investments. The authors point out that the legal definition of investments in the Law on Investment Platforms does not indicate the objects where they are invested. Doubts are also raised about the possibility of making investments by converting them in utilitarian digital rights or by means of a loan. The author makes a conclusion that a unified concept of investment is needed, and that investment law should be brought to consistency within itself.

Keywords: investment, digitalization, digital financial assets, object of civil rights, investment platform, investor

Acknowledgments. The article has been prepared with the support of Russian Foundation for Basic Research, grant No. 20-011-00454 “Ensuring Investor Rights in the Banking and Financial Sectors in the Context of Digitalization of the Economy in the Russian Federation and Leading Financial Centers of East Asia: Comparative Legal Aspect”.

2 Ссылка для цитирования: Алексеенко А. П., Белых В. С. О понятии инвестиции в условиях цифровизации экономики и бизнеса // Бизнес, менеджмент и право. 2021. № 4. С. 11–16.

3 For Reference: Vladimir S. Belykh, Aleksandr P. Alekseenko. On the Concept of Investment in the Digitalization of Economy and Business // Business, management and law. 2021. № 4. P. 11–16.

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

Внедрение в экономический оборот цифровых технологий актуализировало необходимость исследования многих актуальных вопросов [1], в том числе и о понятии инвестиций и инвестиционной деятельности. Важно понимать, можно ли говорить о возможности применения дефиниций, закрепленных в нормативных правовых актах к отношениям, складывающимся в связи с использованием цифровых финансовых активов. Данная статья ставит основной целью провести анализ понятия инвестиции на предмет соответствия современным реалиям, вызванным цифровизацией экономики и бизнеса.

Законодательство содержит легальные (нормативные) определения понятий «инвестиции» и «инвестиционная деятельность». Так, согласно ст. 1 Закона РСФСР от 26 июня 1991 г. № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР (далее – Закон об инвестиционной деятельности) инвестициями являются денежные средства, целевые банковские вклады, паи, акции и другие ценные бумаги, технологии, машины, оборудование, кредиты, любое другое имущество или имущественные права, интеллектуальные ценности, вкладываемые в объекты предпринимательской и других видов деятельности в целях получения прибыли (дохода) и достижения положительного социального эффекта [2].

Схожее определение понятия инвестиций закреплено в ст. 1 Федерального закона от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (далее – Закон об инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений, или Закон № 39-ФЗ) [3]. Однако в этом определении можно обнаружить несколько сокращенный перечень объектов инвестиций (например, нет технологий, машин, оборудования, интеллектуальных ценностей и др.).

Иной акцент сделан в определении понятия «иностранная инвестиция». В силу ст. 2 Федерального закона от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» (далее – Закон об иностранных инвестициях или Закон № 160-ФЗ) иностранная инвестиция – вложение иностранного капитала, осуществляемое иностранным инвестором непосредственно и самостоятельно, в объект предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации в виде объектов гражданских прав, принадлежащих иностранному инвестору, если такие объекты гражданских прав не изъяты из оборота или не ограничены в обороте в Российской Федерации в соответствии с федеральными законами, в том числе денег, ценных бумаг (в иностранной валюте и валюте Российской Федерации), иного имущества, имущественных прав, имеющих денежную оценку исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальную собственность), а также услуг и информации [4].

С вступлением в силу Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон об инвестиционных платформах) [5] законодательство пополнилось специальным определением инвестиции. Согласно ст. 2 Закона об инвестиционных платформах инвестиции – денежные средства, используемые в целях получения прибыли или достижения иного полезного эффекта путем приобретения предусмотренных настоящим Федеральным законом ценных бумаг или цифровых прав либо путем предоставления займа.

Как видно, в перечисленных законах понятие «инвестиции» определяется по-разному. В Законе об инвестиционной деятельности и Законе № 39-ФЗ данное понятие рассматривается посредством перечисления материальных и нематериальных объектов и предметов. Таким образом, остается открытым вопрос о перечне таких объектов. Напротив, Закон об иностранных инвестициях содержит прямое указание на то, что инвестиции представляют собой вложения в виде объектов гражданских прав, перечень которых сформулирован в ст. 128 ГК РФ. В последнем случае, иностранные инвестиции есть не только вещи, но и результаты интеллектуальной деятельности, работы и услуги, информация и нематериальные блага. Иначе говоря, инвестициями в контексте Закона № 160-ФЗ являются вложения в виде объектов гражданских прав [6, с. 523–524].

Учитывая разницу легальных определений инвестиций, тем не менее, можно выделить объединяющий их признак. Это – цель. В Законе об инвестиционной деятельности названы две цели: получение прибыли (дохода) и достижение положительного социального эффекта. То же самое мы видим в Законе об инвестиционных платформах (ст. 2). В Законе № 39-ФЗ вложение инвестиций преследует также две цели: получение прибыли и (или) достижение иного полезного эффекта. И хотя в Законе об иностранных инвестициях (ст. 2) цель инвестиций прямо не определена, однако она опосредованно выводится из содержания дефиниции «иностранная инвестиция». Поскольку иностранные инвестиции направляются в объект предпринимательской деятельности, постольку основная (читай: единственная) цель инвестиций: получение прибыли (дохода).

Предусмотренное в Законе об инвестиционных платформах определение ложится в общую канву логики законодателя об инвестициях как объектах гражданских прав. Сужая понятие инвестиций до денежных средств, законодатель поступает верно, ведь иначе, пришлось бы прибегать к оценке вносимого имущества [7]. Однако, в законе игнорируется тот факт, что, например, одни виды цифровых финансовых активов могут обмениваться на другие по курсу, установленному на рынке и отражающемуся в котировках. Это порождает вопрос о том, насколько такой подход является правильным? Вероятно, что не следует игнорировать возможность использования цифровых финансовых активов в качестве инвестиций, раз они нашли свое место среди объектов гражданских прав.

Также непонятно, почему законодатель не говорит, куда вкладываются инвестиции. Он ничего не упоминает про объект инвестиций, а лишь указывает, на средства, при помощи которых инвестиции осуществляются. Кроме того, вызывает сомнения правильность позиции на счет того, что, как указано в Законе об инвестиционных платформах, инвестиции предоставляются посредством займа и приобретения утилитарных цифровых прав.

Данные вопросы возникли в виду ряда причин. Заем предполагает возвратность, а значит, речь идет не об инвестиционных, а о заемных отношениях. Утилитарное право, выражающееся в праве лица требовать выполнения работ и (или) оказания услуг [8, с. 85–90] можно рассматривать как свидетельство, подтверждающее обычный договор оказания услуг (выполнения работ) с условием об отсрочке исполнения. Поэтому, давая оценку указанной дефиниции необходимо обратиться к анализу того, как инвестиции характеризуются в экономической и юридической литературе.

Среди исследователей нет единства мнений в определении понятия «инвестиции». Во-первых, ученые – экономисты под инвестициями понимают текущий прирост ценности капитального имущества в результате производственной деятельности либо способ помещения капитала, который должен обеспечить сохранение или возрастание стоимости капитала и (или) привести положительную величину дохода. При этом понятия «капиталовложения» и «инвестиции», как правило, рассматриваются в качестве синонимов [9, 10, 11]. Отсюда инвестиции – это долгосрочные вложения капитала [12, с. 123].

В юридической литературе также можно обнаружить целую палитру взглядов по поводу определения инвестиций. Понимание инвестиции как объекта гражданских прав прослеживается в работах С. П. Мороз [13, с. 225], А. Г. Богатырева [14, с. 10], И. В. Ершовой [15, с. 441], Г. Д. Отнюковой [16, с. 10], А. П. Алексеенко [17] и др.

Согласно другому подходу, инвестиция – это процесс (например, работы М. Г. Холкиной [18, с. 12], А. В. Ведерникова [9, с. 6], Д. С. Ратниковой [19, с. 7], Н. Г. Дорониной, Н. Г. Семилютиной [20, с. 69]), т.е. вложение капитала. Нельзя не согласиться с В. Н. Лисицей, отметившим, что данный подход приводит к смешению понятий «инвестиция» и «инвестирование» [21, с. 163].

Для уяснения содержания понятия «инвестиции» необходимо сопоставить данное понятие с такими смежными категориями, как «инвестирование» и «инвестиционная деятельность»

Некоторые авторы считают обоснованным применение различных подходов к определению понятия инвестиции в зависимости от сферы осуществления инвестиций (соответственно национальные и иностранные инвестиции) [6, с. 525]. К числу таких авторов можно отнести, например, Е. Б. Козлову [22, с. 32], А. М. Лаптеву [23, с. 102]. Оригинальным является подход, который рассматривает инвестицию в качестве правоотношения [24, с. 29].

Для уяснения содержания понятия «инвестиции» необходимо сопоставить данное понятие с такими смежными категориями, как «инвестирование» и «инвестиционная деятельность». Но, прежде всего, надо отметить, что понятие «инвестиции», обладая экономической природой, носит и юридический оттенок. Нельзя игнорировать (тем более на законодательном уровне) правовой аспект инвестиций.

С юридической точки зрения инвестиции представляют собой объекты гражданских прав (ст. 128 ГК РФ). В то же время, не все объекты гражданских прав могут быть однозначно отнесены к инвестициям. Важно отметить, что объект гражданского права становится инвестицией именно в связи с его использованием в инвестировании.

Важно проводить различие между объектами инвестиционной деятельности и инвестициями. С точки зрения их взаимосвязи и взаимоотношений, инвестиции есть то, что инвесторы вкладывают в объекты инвестиционной деятельности.

Как и в отношении иных категорий инвестиционного права, в российском законодательстве отсутствует общее определение понятия «объекты инвестиционной деятельности». Закон об инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений (п. 1 ст. 3), под объектами капитальных вложений признает находящиеся в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности различные виды вновь создаваемого и (или) модернизируемого имущества, за изъятиями, устанавливаемыми федеральными законами. Таким образом, в состав объектов капитальных вложений входят создаваемые и модернизируемые основные фонды и оборотные средства.

Более развернутое определение понятия «объекты инвестиционной деятельности» сформулировано в Законе об инвестиционной деятельности (ст. 3). Объектами инвестиционной деятельности являются вновь создаваемые и модернизируемые основные фонды и оборотные средства во всех отраслях и сферах народного хозяйства, ценные бумаги, целевые денежные вклады, научно-техническая продукция, другие объекты собственности, а также имущественные права и права на интеллектуальную собственность. При этом названный Закон запрещает инвестирование в объекты, создание и использование которых не отвечает требованиям экологических, санитарно-гигиенических и других норм, установленных российским законодательством, или наносит ущерб охраняемым законом правам и интересам граждан, юридических лиц и государства [6, с. 532–533].

Объекты инвестирования и объекты предпринимательской деятельности – это пересекающиеся понятия. Как уже отмечалось, не все виды инвестиционной деятельности относятся к предпринимательству и наоборот.

Итак, объекты инвестиционной деятельности представляют собой любое имущество, включая имущественные права и иные права, имеющие денежную оценку, которые создаются, приобретаются в результате инвестирования, способные приносить доход (прибыль) в процессе их использования в предпринимательской и иной экономической деятельности, отвечающие требованиям экологических, санитарно-гигиенических и других норм, установленных законодательством [16, с. 647]. В этой связи, логичным будет отнести к объектам инвестиционной деятельности все виды цифровых прав, соответствующих данному критерию. Тут мы не можем не указать, что ряд цифровых объектов, таким критериям не соответствует. Разве может приносить доход цифровое утилитарное право, выраженное в том, что «инвестор» получает скидку на некий товар (например, музыкальный объем) в случае если музыкант, благодаря вложения такого лица этот музыкальный альбом запишет?

С учетом сказанного можно предложить следующее определение инвестиций. Инвестиции – это принадлежащие инвестору объекты гражданских прав: вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность) и вкладываемые в объекты предпринимательской и других видов деятельности в целях получения прибыли (дохода) и достижения положительного социального эффекта. В свою очередь, инвестирование представляет собой вложение инвестиций. Соответственно, инвестиционная деятельность – это предпринимательская и иная экономическая деятельность, связанная с вложением инвестиций (то есть с инвестированием) [25, с. 67].

Из изложенного выше следует вывод о том, что указанное в Законе об инвестиционных платформах определение инвестиций сформулировано некорректно. Обусловлено это тем, что нельзя относить к объектам предпринимательской деятельности заем, так как он объектом не является вообще. Что касается утилитарных цифровых прав, то они как разновидность цифровых прав являются объектами гражданского права. Однако, вложение в них инвестиций не свидетельствует о том, что действия инвестора направлены на получение прибыли (дохода), а именно критерий цели, является основным в отграничении инвестиций от иных объектов.

Исходя из изложенного выше, объектам, в которые вкладываются инвестиции при помощи инвестиционных платформ являются перечисленные в законе ценные бумаги, а также цифровые финансовые активы. Однако, и данный вывод требует дальнейшей проработки, тем более, что дискуссия на счет того, что такое цифровые финансовые активы до сих пор ведется [26, с. 52–62].

Согласно Федеральному закону «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [27] цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право

требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы. То есть, цифровые финансовые активы, это по сути дела те же самые «акции», только выпущенные при помощи цифровых технологий. При этом законодатель упускает из виду тот факт, что в цифровой инвестиционной среде существуют различного рода производные инструменты, в частности, криптовалютные фьючерсы [28, с. 60–65].

Таким образом, содержащееся в Законе об инвестиционных платформах понятие инвестиций лишь от части соответствует тому подходу, который использует законодатель в других нормативных правовых актах. Сама же конструкция рассматриваемого определения противоречива.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Цифровое право / А. Дюфло, Л. В. Андреева, В. В. Блажеев [и др.]. М.: Проспект, 2020. 640 с.
2. Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 29. Ст. 1005.
3. Собрание законодательства РФ. 1999. № 9. Ст. 1096.
4. Собрание законодательства РФ. 1999. № 28. Ст. 3493.
5. Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 02.08.2019).
6. Российское предпринимательское право: учебник / отв. ред. В. С. Белых. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Проспект, 2022. С. 523–524 (авторы параграфа 5 главы 9 – Белых В. С., Коньков К. А.).
7. Алексеева Д. Г., Арзуманова Л. Л., Батрова Т. А., Пешкова (Белогорцева) Х. В., Ротко С. В., Чернусь Н. Ю., Шпинев Ю. С., Тимошенко Д. А. Комментарий к Федеральному закону «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (постатейный) от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. 2021.
8. Андреев В. К. Проблемы адаптации обязательственных прав к обращению в инвестиционной платформе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 85–90.
9. Ведерников А. В. Иностранные инвестиции в Российской Федерации. Правовые аспекты: дис. ... канд. наук, 12.00.03. Екатеринбург, 2004. С. 14–16.
10. Мороз С. П. Теоретические проблемы инвестиционного права: гражданско-правовой аспект. Алматы: Юрист, 2003. С. 47–48.
11. Кропотов Л. Г. Коммерческие инвестиции в объекты капитального строительства: правовое регулирование. М.: Инфотопик Медиа, 2012.
12. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцев Е. Б. Современный экономический словарь.
13. Мороз С. П. Инвестиционное право Республики Казахстан: научное издание. Алматы: НИИ частного права КазГЮУ, 2006.
14. Богатырев А. Г. Инвестиционное право. М.: Рос. право, 1992.
15. Ершова И. В. Предпринимательское право: учебник. М.: Юриспруденция, 2009.
16. Инвестиционное право: учебное пособие / И. В. Ершова, Г. Д. Отнюкова, А. А. Спектор, О. М. Шевченко. М.: Проспект, 2015.
17. Алексеенко А. П. Инвестиционное право. Владивосток: Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, 2019. 132 с.
18. Холкина М. Г. Защита прав инвесторов на рынке ценных бумаг: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Владивосток, 2009.
19. Ратникова Д. С. Правовое регулирование инвестиционной деятельности в Российской Федерации: теоретические основы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2011.
20. Доронина Н. Г., Семилютина Н. Г. Регулирование инвестиций как форма защиты экономических интересов государства // Журнал российского права. 2005. № 9 (105).
21. Лисица В. Н. Правовое регулирование инвестиционных отношений: теория, законодательство и практика применения: монография. Новосибирск, 2011.

22. Козлова Е. Б. Инвестиционный договор как нетипичная договорная конструкция // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 1.

23. Лаптева А. М. Понятие инвестиционной деятельности // Современное право. 2012. № 12.

24. Антипова О. М. Правовое регулирование инвестиционной деятельности (анализ теоретических и практических проблем). М.: Волтерс Клувер, 2007.

25. Право и внешнеэкономическая деятельность в Республике Казахстан / отв. ред. М. К. Сулейменов. Алматы: КазГЮА, 2001.

26. Ефимова Л. Г. Альтернативный взгляд на правовое регулирование гражданско-правовых отношений в условиях цифровой экономики // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 8. С. 52–62.

27. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753 (дата обращения: 01.02.2022).

28. Алексеенко А. П. Регулирование оборота криптовалютных фьючерсов: подходы КНР и Сингапура // Предпринимательское право. 2020. № 3. С. 60–65.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белых Владимир Сергеевич
(Россия, Екатеринбург), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права Уральского государственного юридического университета, e-mail: belykhvs@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0611-088X, Scopus ID: 57202814902.

Алексеенко Александр Петрович
(Россия, Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент кафедры коммерческого права Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: alekseenko.a.p@gmail.com, ORCID: 0000-0003-0707-8372.

AUTHORS' DETAILS

Vladimir S. Belykh
(Russia, Ekaterinburg), Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Business Law of the Ural State Law University, e-mail: belykhvs@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0611-088X, Scopus ID: 57202814902.

Aleksandr P. Alekseenko
(Russia, St. Petersburg), Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Business Law Department, e-mail: alekseenko.a.p@gmail.com, ORCID: 0000-0003-0707-8372.

УДК 346.9

Влияние цифровизации на особенности участия в государственных и корпоративных закупках субъектов малого и среднего предпринимательства[4]

Тасалов Ф. А.

Аннотация: В статье рассматриваются изменения законодательства, касающиеся процедуры участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках, регулируемых Законами 44-ФЗ и 223-ФЗ. Теперь заказчикам запрещено требовать предоставления сведений о соответствии участников торгов критериям субъектов малого и среднего предпринимательства – заказчики, а в случае с 44-ФЗ – операторы электронной площадки, самостоятельно берут сведения из сервиса, разработанного и поддерживаемого ФНС России: Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства.

Автором указывается, что подобный порядок предоставления сведений о субъектах малого и среднего предпринимательства с 27 ноября 2020 г. используется в сфере корпоративных закупках. За время действия указанного порядка выявлены как положительные черты, например, упрощение подготовки поставщиками заявок на участие в корпоративных закупках, так и негативные, среди которых издержки заказчиков в виде необходимости проверки данных в государственных информационных ресурсах.

Помимо негативных черт, автор указывает и на явную проблему использования Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства: участник закупки может соответствовать необходимым критериям субъекта малого и среднего предпринимательства, однако по каким-либо причинам его может не быть в реестре.

Ключевые слова: субъекты малого и среднего предпринимательства; контрактная система; конкуренция; цифровизация; электронные торги; корпоративные закупки

Digitalization Influence on Participation of Small and Medium Sized Enterprises in Public and Corporate Procurement: New Design[5]

Philip A. Tasalov

Abstract: The article discusses changes in legislation concerning the participation of small and medium-sized businesses in the procurement process regulated by Laws 44-FZ and 223-FZ. Now, customers are forbidden to require the provision of information about compliance with the criteria of bidders for small and medium-sized businesses – customers, and in the case of 44-FZ – operators of electronic platforms independently take information from the service developed and supported by the Federal Tax Service of Russia: Unified Register of Small and Medium Entrepreneurship.

The author points out that a similar procedure for providing information about small and medium-sized businesses has been used in corporate procurement since November 27, 2020. During the operation of this procedure, both positive features, such as simplification of the preparation of applications by suppliers for the participation in corporate procurement, and negative ones, among which the costs of customers in the form of the need to check the data in the state information resources, were identified.

In addition to the negative features, the author points to a clear problem of using the Unified Register of Small and Medium Entrepreneurship: the participant of the procurement may meet the necessary criteria of the subject of the small and medium enterprises, but for some reason he/she may not be in the register.

4 Ссылка для цитирования: Тасалов Ф. А. Влияние цифровизации на особенности участия в государственных и корпоративных закупках субъектов малого и среднего предпринимательства // Бизнес, менеджмент и право. 2021. № 4. С. 17–21.

5 For Reference: Philip A. Tasalov. Digitalization Influence on Participation of Small and Medium Sized Enterprises in Public and Corporate Procurement: New Design // Business, management and law. 2021. № 4. P. 17–21.

Keywords: small and medium sized economic enterprises; government contract system; competition; digitalization; electronic bidding; corporate procurement

Цифровизация государственных и корпоративных закупок приводит не только к масштабному распространению электронных конкурентных закупок, но также способствует упрощению участия в таких закупках субъектов малого и среднего предпринимательства.

В рамках модернизации российским законодателем положений законодательства о контрактной системе и законодательства о закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц, имеющих разное целеполагание, тем не менее, происходит снижение нагрузки на участников закупки, прежде всего, за счет сокращения документов и информации, которые предпринимателям требуется представлять в заявке на каждую электронную конкурентную процедуру закупки.

В настоящее время такие процессы обусловлены активным развитием государственных электронных реестров, постепенно приходящим на смену документарным базам данным, содержащим информацию об участниках закупки.

Представленная статья основана на анализе изменений законодательства о контрактной системе, законодательства о закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц с учетом необходимости анализа влияния цифровизации на уровень издержек предпринимателей, участвующих в закупках. Использованные в статье данные систематизированы и обобщены по отдельным блокам.

Сравнительный анализ Закона № 223-ФЗ и Закона № 44-ФЗ

Электронные конкурентные закупки, предусмотренные Законом № 223-ФЗ	Электронные конкурентные закупки, предусмотренные Законом № 44-ФЗ
Содержат запрет в отношении требования заказчиком от участника закупки документального подтверждения правового положения субъекта малого или среднего предпринимательства. Такая информация проверяется заказчиком самостоятельно с использованием открытого государственного реестра субъектов малого и среднего предпринимательства	Содержат запрет в отношении требования заказчиком от участника закупки документального подтверждения правового положения субъекта малого предпринимательства. Такая информация направляется оператором электронной площадки комиссии заказчика при рассмотрении заявок участников закупки посредством взаимодействия оператора с единой информационной системой в сфере закупок
Наделяют заказчика обязанностью по принятию решения об отказе в допуске к участию или принятию решения об отказе от заключения договора с участником закупки, в отношении которого отсутствует информация о наличии у такого лица признаков правового положения субъекта малого или среднего предпринимательства	Наделяют оператора электронной площадки обязанностью по возвращению заявки участнику закупки, в отношении которого отсутствуют данные о наличии у такого лица признаков правового положения субъекта малого предпринимательства
Содержат особенности участия в закупках субъектов малого, среднего предпринимательства	Содержат особенности участия в закупках субъектов малого предпринимательства

Субъект малого предпринимательства в контрактной системе. В рамках Федерального закона от 2 июля 2021 г. № 360-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» законодатель установил, что заявка на участие в электронной конкурентной процедуре закупки с 1 января 2022 г. больше не содержит декларацию о принадлежности лица к субъектам малого предпринимательства в рамках Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ).

Правовое положение субъекта малого предпринимательства необходимо подтверждать для того, чтобы такое лицо могло принять участие в электронной конкурентной закупке, в рамках которой заказчиком установлено преимущество – закупка проводится только среди малого бизнеса.

Так, до 1 января 2022 г. субъект малого предпринимательства формировал и подписывал усиленной электронной подписью декларацию о принадлежности к малому бизнесу с использованием средств электронной площадки (ее закрытой части) (ч. 3 ст. 30 Закона № 44-ФЗ в ранее действовавшей редакции).

С 1 января 2022 г. законодатель отменил такую обязанность (ч. 3 ст. 30 Закона № 44-ФЗ в редакции Закона № 360-ФЗ). При этом при проведении электронных конкурентных процедур закупки оператор электронной площадки наделен законодателем новой обязанностью, заключающейся в проверке правового положения участника закупки на предмет наличия признаков субъекта малого предпринимательства при поступлении заявки.

В силу подпункта «к» п. 5 ч. 6 ст. 43 Закона № 44-ФЗ в новой редакции оператор электронной площадки обязан вернуть заявку участнику закупки, если автоматизированная проверка не подтвердила факта наличия у поставщика признаков правового положения субъекта малого предпринимательства.

Необходимо пояснить, что с 2016 г. ФНС России ведет единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства в соответствии с положениями Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (далее – Закон № 209-ФЗ), реестр является государственным и открытым.

Одновременно с приведенными положениями законодательства Правительство РФ утвердило порядок регистрации участников закупки в едином реестре участников закупки, нахождение в котором является обязательным для:

– участников электронных процедур закупок в рамках Закона № 44-ФЗ;

– участников электронных конкурентных закупок среди субъектов малого и среднего предпринимательства в соответствии с Законом № 223-ФЗ.

Так, порядок регистрации участников закупок в едином реестре в единой информационной системе предусматривает, что наличие признаков правового положения субъекта малого или среднего предпринимательства определяется при регистрации участника закупки автоматически на основании получения данных из единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства (Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2018 г. № 1752 «О порядке регистрации участников закупок в единой информационной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и ведения единого реестра участников закупок и внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 8 июня 2018 г. № 656»).

Таким образом, признак наличия у поставщика правового положения субъекта малого предпринимательства с 1 января 2022 г. определяется оператором электронной площадки посредством взаимодействия с единой информационной системой в автоматическом режиме. Освобождение законодателем участников закупки от обязанности по формированию декларации о принадлежности к субъектам малого предпринимательства в составе заявки на участие в электронной конкурентной процедуре закупки, действительно, сократило перечень документов в составе заявки.

Вместе с тем другим последствием цифровизации правового положения субъектов малого предпринимательства стало то, что первичным для определения признаков субъекта малого предпринимательства для целей участия такого лица в государственных или муниципальных закупках, проводимых заказчиками в форме электронных конкурентных процедур, стал факт нахождения информации о компании в едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства, а не фактическое соответствие бизнеса критериям отнесения к субъектам малого предпринимательства, предусмотренным Законом № 209-ФЗ.

Освобождение законодателем участников закупки от обязанности по формированию декларации о принадлежности к субъектам малого предпринимательства в составе заявки на участие в электронной конкурентной процедуре закупки сократило перечень документов в составе заявки

В свою очередь такое решение законодателя в рамках Закона № 44-ФЗ приведет к тому, что отсутствие сведений о поставщике в едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства будет означать блокирование участия такого лица в электронной конкурентной закупке, предусматривающей преимущества только для таких предпринимателей.

Фактическое соответствие лица критериям отнесения к субъектам малого или среднего предпринимательства, установленным Законом № 209-ФЗ и справедливо критикуемым в науке предпринимательского права [1, с. 10], не позволяет такому предпринимателю участвовать в закупках, если информация о нем отсутствует в едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства.

Субъекты малого и среднего предпринимательства в корпоративных закупках. С 27 ноября 2020 г. при проведении заказчиком электронной конкурентной

закупки, торгов, иных способов закупки для субъектов малого и среднего предпринимательства Правительством РФ предусмотрен запрет на требование заказчика о представлении такими участниками закупок документов или информации, подтверждающих правовое положение малого или среднего бизнеса.

Правовое положение субъекта малого или среднего предпринимательства проверяет корпоративный заказчик посредством взаимодействия с единым реестром субъектов малого и среднего предпринимательства (Постановление Правительства РФ от 24 ноября 2020 г. № 1909 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства РФ по вопросам осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц и признании утратившими силу отдельных положений актов Правительства РФ»).

Отсутствие в едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства такой информации влечет отказ заказчика в допуске участнику закупки или отказ от заключения договора с таким лицом по итогам закупки, изначально объявленной только для субъектов малого и среднего предпринимательства или предусматривавшей обязанность победителя закупки по привлечению к исполнению договора третьих лиц из субъектов малого и среднего предпринимательства (Постановление Правительства РФ от 11 декабря 2014 г. № 1352 «Об особенностях участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»).

В основе анализируемых изменений в сфере проведения заказчиками корпоративных закупок заложен принцип, заключающийся в необходимости исключения из заявки на участие в конкурентной электронной процедуре закупки документов и информации, которые доступны корпоративному заказчику в открытых государственных информационных ресурсах (реестрах). Идеология принятого решения понятна: цифровизация должна приводить не к увеличению, а к сокращению издержек участников закупки и заказчиков.

Иными словами, анализируемые изменения направлены на исключение дублирования данных о поставщике в заявке, если такие сведения предусмотрены в открытых государственных информационных ресурсах (реестрах). Это упрощает подготовку поставщиками заявок и одновременно повышает роль государственных информационных ресурсов (реестров). В то же самое время такое решение повышает издержки на стороне корпоративного заказчика, обязанного осуществлять проверку наличия требуемых данных в государственных информационных ресурсах вместо того, чтобы получить такие сведения в составе заявки.

Возможные проблемы в реализации изменений в порядке участия в закупках малого и среднего бизнеса могут сводиться к фактическому соответствию участника закупки критериям отнесения к субъектам малого или среднего предпринимательства, предусмотренным Законом № 209-ФЗ, но отсутствию данных о таком субъекте в реестре субъектов малого и среднего предпринимательства. Например, субъект малого или среднего предпринимательства может пройти государственную регистрацию, но информации о таком лице в реестре малого и среднего бизнеса еще не будет. Следовательно, в таких случаях корпоративный заказчик будет вынужден отказать в допуске к участию в электронной конкурентной процедуре закупки такому поставщику, или отказаться от заключения договора по итогам закупки.

Таким образом, исключение законодателем требования о подтверждении участником закупки в заявке правового положения субъекта малого предпринимательства в контрактных отношениях способствует снижению нагрузки на таких поставщиков, данные о которых включены в единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства; аналогичным образом такой подход в сфере корпоративных закупок позволяет сократить перечень информации, которая должна быть в заявке на участие в корпоративной закупке.

Вместе с тем несовпадение данных, содержащихся в государственных информационных системах (реестрах), с актуальным правовым положением участника закупки, приводит к потере участником закупки возможности заключения договора с заказчиком по итогам электронной конкурентной закупки в соответствии с положениями Закона № 223-ФЗ, или блокирует участие в электронной конкурентной процедуре закупки в рамках Закона № 44-ФЗ. Отмеченные последствия необходимо отнести к предпринимательскому риску.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белых В. С., Звездина Т. М. Понятие субъектов малого и среднего предпринимательства в науке предпринимательского права // Предпринимательское право. 2018. № 2. С. 4–10.
2. Тасалов Ф. А. Участие малого и среднего бизнеса в закупках: актуальные проблемы // Конкуренция и право. 2015. № 1. С. 28–32.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Тасалов Филипп Артемьевич

(Россия, Москва) кандидат юридических наук, руководитель управления по нормотворческой работе и правоприменительной практике ООО «РТС-тендер», e-mail: ftasalov@gmail.com, ORCID: 0000-0001-6998-2880.

AUTHOR'S DETAILS

Philip A. Tasalov

(Russia, Moscow) Candidate of Juridical Sciences, Head of the Department of Rule-Making and Law Enforcement Practice of "RTS-Tender", LLC, e-mail: ftasalov@gmail.com, ORCID: 0000-0001-6998-2880.

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

УДК 346.3

Лизинг недвижимости: проблемы и перспективы развития в России[6]

Тарабаева Н. М.

Аннотация: В статье проанализировано современное состояние отечественного рынка лизинговых операций в сегменте недвижимости. Автором рассмотрены общие черты договора лизинга, установлены его виды: финансовый, оперативный, возвратный, а также разобраны особенности лизинга недвижимого имущества.

Автором установлены преимущества приобретения коммерческой недвижимости субъектами малого бизнеса с помощью лизинговых сделок по сравнению с кредитом, одновременно указано на риски приобретения жилой недвижимости в лизинг. Сделан вывод о положительной роли лизинга в развитии экономики, особенно в секторе малого бизнеса.

В завершение автором выявлены основные факторы, ограничивающие развитие рынка лизинга недвижимости в России. Это часто встречающиеся на рынке продажа недвижимого имущества в виде реализации долей (акций) в компании, владеющей недвижимостью, продажа недвижимого имущества с имеющимися обременениями. Но самой большой проблемой, по мнению автора, является прямой законодательный запрет на лизинговые операции с земельными участками. Во многих случаях приобретение коммерческой недвижимости сопряжено с приобретением земельного участка, поэтому при таких обстоятельствах лизинг либо невозможен, либо совершается с обходом закона. Именно этот фактор, по мнению автора, является ключевым препятствием в развитии рынка лизинга недвижимого имущества.

Ключевые слова: лизинг, лизингодатель, лизингополучатель, финансовый лизинг, оперативный лизинг, возвратный лизинг

Real Estate Leasing: Problems and Prospects for Development in Russia[7]

Natalya M. Tarabaeva

Abstract: The article analyzes the current state of the domestic market of leasing operations in the real estate segment. The author considered the general features of the leasing agreement, and established its types: financial, operational, returnable, as well as the features of the real estate leasing.

The author established the advantages of the acquisition of commercial real estate by small businesses through the leasing transactions, compared with the loan. At the same time the author pointed out the risks of the acquisition of residential real estate leasing. The conclusion about the positive role of leasing in the development of the economy, especially in the small business sector is made.

At the end of the article, the author identified the main factors that limit the development of the real estate leasing market in Russia. These are often found in the market sale of real estate in the form of sale of shares (stocks) in the company owning the real estate, the sale of real estate with existing encumbrances. However, the biggest problem, in the author's opinion, is the direct legislative ban on leasing transactions with land plots. In many cases, the purchase of commercial real estate is paired with the purchase of land, so under such circumstances, leasing is either impossible or bypasses the law. It is this factor, in the author's opinion, that is the key obstacle to the development of the real estate leasing market.

Keywords: leasing, lessor, lessee, financial leasing, cover leasing, leaseback

6 Ссылка для цитирования: Тарабаева Н. М. Лизинг недвижимости: проблемы и перспективы развития в России // Бизнес, менеджмент и право. 2021. № 4. С. 22–26.

7 For Reference: Natalya M. Tarabaeva. Real Estate Leasing: Problems and Prospects for Development in Russia // Business, management and law. 2021. № 4. P. 22–26.

В современных условиях любая предпринимательская деятельность нуждается в офисных помещениях, складских или производственных площадях. Цены на недвижимость остаются высокими, следовательно, приобрести ее в собственность для субъектов малого предпринимательства становится затруднительным, а также постоянно возрастающая арендная плата ставят под вопрос само существование малого бизнеса. Одним из возможных путей решения этой проблемы является лизинг недвижимости, который позволяет получить в собственность офисы или иные необходимые для качественного функционирования объекты недвижимости [1]. Такая возможность закреплена в ст. 3. Федерального закона от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» (далее – Закон о финансовой аренде (лизинге)) [2].

В Законе о финансовой аренде (лизинге) в качестве предмета лизинга выступают любые не потребляемые вещи, здания, сооружения, оборудование, спецтехника, имущественные комплексы, предприятия и другие объекты, необходимые для ведения производства, предпринимательской деятельности [2].

Лизинг недвижимости можно рассматривать, с одной стороны, как кредит, который предоставляется не деньгами, а приобретенным объектом недвижимости, а с другой стороны, как один из способов инвестирования в основной капитал [3].

Также, как и при других лизинговых сделках, здесь присутствуют три стороны: лизингодатель, лизингополучатель и продавец. Субъект, заинтересованный в этой сделке, ищет продавца недвижимости, лизингодатель приобретает недвижимость в собственность и заключает лизинговый договор с потенциальным лизингополучателем. Однако лизинг зданий и сооружений имеет свои особенности.

1. Данная сделка требует государственной регистрации. Надо отметить, что пока у нас нет специальных правил для регистрации договора лизинга, и в результате возникают различные препятствия для заключения таких договоров. Регистрационные процедуры затянуты во времени. В результате может сложиться такая ситуация, когда лизинговые платежи еще не начисляются, а пользование имуществом уже идет и налог на имущество платит собственник (лизингодатель).

2. Поскольку объекты недвижимости находятся на земле, а земля не является предметом лизинга, заключить договор лизинга бывает трудно с точки зрения права. В этом случае стороны договора лизинга вынуждены на срок договора заключать дополнительный договор аренды или субаренды земельного участка. В связи с этим иногда приходится разделять общие лизинговые платежи на составляющие (за объект недвижимости и за участок, на котором он располагается).

3. Достаточно длительный срок амортизации зданий и сооружений, а также их высокая стоимость.

Можно выделить несколько видов лизинговых сделок, которые представлены ниже в таблице.

Виды лизинговых сделок с недвижимостью [4]

Вид лизинговой сделки	Содержание сделки
Финансовый лизинг	Имущество сдается в аренду на длительный срок и предусматривает полное или почти полное возмещение ее стоимости за период использования
Оперативный лизинг	Лизингодатель покупает имущество и передает его лизингополучателю в качестве предмета лизинга за определенную плату, на определенный срок и на определенных условиях во временное пользование
Возвратный лизинг	Предполагает продажу собственником имущества лизингодателю, а затем предоставление этим лизингодателем имущества в лизинг этому же собственнику

Наиболее распространенной формой в настоящее время является финансовый лизинг. При оперативном лизинге у лизингодателя наблюдается достаточно высокие риски, связанные с трудностью сдачи в лизинг приобретенного в собственность имущества. Повторная сдача объекта в лизинг – запрещена, она расценивается не как оперативный лизинг, а как аренда, а значит несколько другие правила предоставления. Возвратный лизинг имеет преимущество за счет того, что позволяет получать дополнительные денежные средства за счет продажи собственного имущества и одновременно продолжать фактически пользоваться этим имуществом.

Лизинговые сделки с недвижимостью наибольшую выгоду представляют для субъектов малого бизнеса, так как им нужны небольшие по площади помещения. Эти фирмы, используя объект недвижимости в течение

длительного срока, могут за ежемесячный лизинговый платеж (также как и выплата арендной платы, но только без права выкупа), по истечению определенного срока получить объект недвижимости в собственность.

Говоря о лизинге жилых помещений, как части лизинга недвижимости, нужно отметить, некоторые его особенности, что они, вероятно, не будут пользоваться достаточным спросом, так как лизинговые платежи облагаются налогом на добавленную стоимость, что приведет к удорожанию объекта недвижимости на 20%. Однако в некоторых случаях лизинг жилых помещений достаточно широко используется и даже способен составить конкуренцию ипотечному кредиту. Объектами данного вида лизинга могут быть квартиры, дачи, загородные дома, таунхаусы и так далее. Для того, чтобы передать в лизинг жилую недвижимость, лизингодатель сначала выкупает объект недвижимости у собственника, а потом уже передает его лизингополучателю (ст. 665 ГК РФ, ст. 3 Закона о финансовой аренде (лизинге)).

В литературе дискутируют о том, что выгоднее – лизинг или ипотечный кредит

Если лизингополучателем является юридическое лицо, эту недвижимость можно использовать для проживания своих работников. Если же данное жилое помещение будет использоваться в предпринимательской деятельности, его предварительно нужно перевести в нежилое. В том случае, если лизингополучателем является физическое лицо, он может использовать жилое помещение для собственных нужд. После окончания срока лизинга физическое лицо выкупает эту жилую недвижимость и оформляет на нее право собственности. В литературе дискутируют о том, что выгоднее – лизинг или ипотечный кредит. С одной стороны, крупные банки достаточно лояльно подходят к документам лизингополучателей. Для оформления лизинговой сделки можно не подтверждать официально доход и занятость лизингополучателя в отличие от ипотеки. Однако говоря о финансовой целесообразности, нужно отметить, что чем больше первоначальный взнос, тем меньше переплачивает покупатель. Понятно, что далеко не каждый может выкупить квартиру за 36 месяцев. Участвовать в такой сделке могут только люди с высокими доходами, а, значит, этот лизинг не стал пользоваться популярностью у населения нашей страны.

Таким образом, развитие рынка лизинга недвижимости выгодно, прежде всего, для юридических лиц, так как позволяет получить объект недвижимости без больших вложений собственных средств и оптимизировать налоговые платежи.

Рассмотрим некоторые преимущества приобретения объекта недвижимости в лизинг по сравнению с кредитом для субъектов малого предпринимательства.

1. Лизинг позволяет приобрести дорогостоящее имущество при недостатке собственных средств.

2. При приобретении имущества в лизинг, оно является собственностью лизингодателя. Это облегчает возможность получения финансовых средств и делает рациональным использование именно лизинговой схемы.

3. Платежи по договору лизинга уменьшают налогооблагаемую базу по налогу на прибыль. Кроме этого в тех случаях, когда применяется ускоренная амортизация, происходит экономия на налоге на имущество.

4. Получение лизинга не влияет на кредитоспособность получателя. Его кредитная задолженность не растет и не влияет на принятие банком решения о выдаче кредита, если возникает необходимость в привлечении кредитных средств.

5. Еще одним преимуществом лизинга является тот факт, что срок лизинга может быть больше, чем кредита. Это позволит потенциальным лизингополучателям более рационально использовать свои финансовые ресурсы.

6. Лизинг способствует большей свободе лизингополучателя в принятии решений. Так, при окончании срока договора лизинга он может продлить договор, либо вернуть предмет лизинга лизингодателю, либо выкупить его по остаточной стоимости.

7. Использование лизинговых схем при четком соблюдении графика лизинговых платежей позволяет планировать свои расходы на финансирование вложений и прибыль от реализации продукции (работ, услуг).

8. Определенные виды лизинга способствуют реализации продукции производства, а это выгодно для государства.

9. Лизинговая сделка оформляется проще, чем ссуда в банке.

10. При использовании лизинга у лизингополучателя остается больше свободных денежных средств, чем при покупке этого же объекта.

11. Нужно сказать и о том, что, приобретая имущество в лизинг лизингополучатель имеет целый ряд дополнительных услуг, связанных с транспортировкой, государственной регистрацией, страховым оформлением объекта лизинга, обучением работников и так далее.

В целом лизинг оказывает положительное влияние на функционирование и развитие экономики. Субъектам малого бизнеса лизинговые сделки позволяют

приобретать высокотехнологичное оборудование и инвестировать в объекты недвижимости. Таким образом. можно утверждать, что лизинг является косвенным фактором экономического роста, а также способствует развитию высокотехнологичных секторов экономики, снижая тем самым уровень безработицы и степень социальной напряженности [5].

Говоря о лизинге недвижимости, нужно отметить, что в России есть ряд факторов, которые сдерживают развитие данного института. К их числу можно отнести то, что объекты недвижимости на вторичном рынке могут быть обременены, например, действующим договором аренды, а значит, приобрести такой объект с помощью схемы лизинга очень непросто.

Кроме этого на нашем рынке лизинга существует схема, на основе которой крупные объекты недвижимости могут быть реализованы по частям. Это происходит путем продажи долей в компании, которая является владельцем (собственником) недвижимости. Понятно, что такой объект достаточно трудно оформить в лизинг, так как по нашему закону доли, паи и так далее не могут быть предметом лизинга.

Одной из проблем, которая осложняет развитие данного рынка, является противоречивость законодательных норм, которые регулируют лизинг недвижимости. Некоторые юристы утверждают, что есть несоответствие между Гражданским кодексом, Законом о финансовой аренде (лизинге) и Законом о регистрации прав на недвижимое имущество. В этом случае единственным выходом является регистрация и оформление договора купли-продажи и договора лизинга одним числом, а это очень непросто.

Наверное, нельзя не сказать о такой трудности, связанной с лизингом недвижимости, как оформление прав на земельные участки, где располагаются объекты недвижимости. Поскольку эти земельные участки не могут быть предметом лизинга в соответствии со ст. 3 Закона о финансовой аренде (лизинге) и ст. 666 ГК РФ земельные правоотношения должны быть оформлены отдельно от лизинговой сделки, а это значительно усложняет данную сделку.

Неурегулированность правоотношений по объекту недвижимости и земельному участку является одним из главных факторов, сдерживающих развитие лизинга недвижимости.

На наш взгляд, лизинг недвижимости может быть полезным нашему обществу, он является перспективной разновидностью лизинга. Как показывает опыт, его доля в общей сумме лизинговых операций в зарубежных странах составляет от 20 до 30%. В России же этот рынок только начинает развиваться. Доля лизинга недвижимости в общем объеме лизинговых сделок в России всегда была незначительна (рис.), и на сегодняшний момент ситуация практически не изменилась.

Этот рынок, по нашему мнению, рационален для тех организаций, которые заинтересованы в развитии своего бизнеса. Он позволяет этим компаниям получить дорогостоящее имущество без больших первоначальных

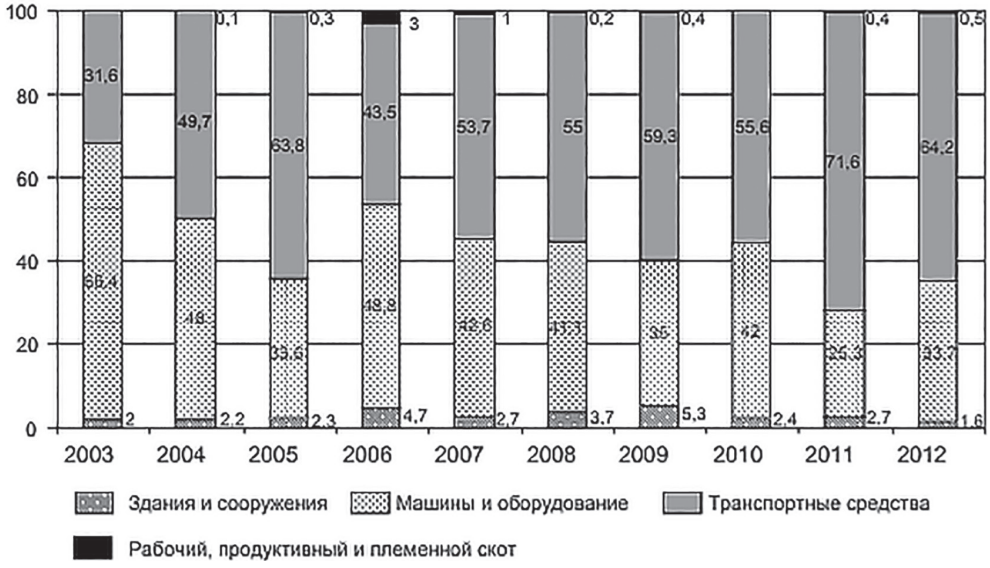


Рис. Доля общей стоимости договоров лизинга недвижимости в общем объеме договоров лизинга, % [6]

затрат. Потенциальных лизингополучателей привлекает и то обстоятельство, что в конце срока договора лизинга объект передается в собственность лизингополучателя без оплаты его рыночной стоимости.

Для успешного развития лизинга недвижимости нужна четко разработанная государственная программа поддержки лизинга, совершенствование законодательства о лизинге, которое будет предусматривать определенные льготы для юридических и физических лиц, может быть упрощение самого механизма лизинговой сделки. По утверждению специалистов рынок недвижимости в России будет расти, чем больше появится новой недвижимости, тем, больше будет объектов для лизинга.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Безуглова М. Н., Петренко А. С. Лизинг недвижимости в России: тенденции и перспективы // European science review. 2014. № 1–2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lizing-nedvizhimosti-v-rossii-tendentsii-i-perspektivy (дата обращения: 10.06.2020).

2. Федеральный закон от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» (с изменениями и дополнениями) // Система «ГАРАНТ».

3. Дуденков Е. Д., Столяров В. М. Лизинг недвижимости как способ инвестирования // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2018. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lizing-nedvizhimosti-kak-sposob-investirovaniya (дата обращения: 10.06.2020).

4. Бурова О. А. Лизинг как способ финансирования инвестиционных проектов // Вестник МФЮА. 2019. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lizing-kak-sposob-finansirovaniya-investitsionnyh-proektov (дата обращения: 25.06.2020).

5. Белозеров И. И., Романов И. В. Лизинг: понятие, значение и перспективы развития // Kant. 2012. № 2 (5). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lizing-ponyatie-znachenie-i-perspektivy-razvitiya (дата обращения: 25.06.2020).

6. Прокофьев К. Ю., Моисеев В. А. Анализ лизинга недвижимости // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 22 (373). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-lizinga-nedvizhimosti (дата обращения: 22.06.2020).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Тарабаева Наталия Михайловна

(Россия, Екатеринбург), кандидат экономических наук, доцент кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета, e-mail: natalia.tarabaeva@yandex.ru.

AUTHOR'S DETAILS

Natalya M. Tarabaeva

(Russia, Ekaterinburg), Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Business Law Department, Ural State Law University, e-mail: natalia.tarabaeva@yandex.ru.

УДК 347.6

Общий долг супругов: взгляд на проблему[8]

Григорьева О. А.

Аннотация: В статье раскрывается ряд спорных вопросов, так или иначе касающийся явления «общего обязательства супругов». В начале статьи автор указывает на предпосылку возможности существования общих обязательств супругов – это наличие противоположного явления, а именно общего имущества супругов.

Автором через анализ понятия «семья» как образования, имеющего внутреннее единство, делается вывод о возможном двойственном характере семейных имущественных отношений: отношений внутри семьи и отношений семьи с третьими лицами.

При оценке понятия общее обязательство супругов автор указывает на критерии отличия общего обязательства супругов от личного обязательства одного из супругов, отмечает недостаточность правового регулирования вопросов общих обязательств супругов, указывает на процессуальный порядок признания обязательства одного из супругов общим обязательством супругов.

В завершение автор делает обзор имеющихся проблем правоприменения. Так, основополагающий критерий для отнесения обязательства к общему обязательству супругов «нужды семьи» носит оценочный характер и оставлен законодателем на откуп судебной практике. В то же время отсутствует принцип единообразия в его правоприменении. Кроме того, указывается на негативную тенденцию в судебной практике, где суды отказывают в удовлетворении требований о признании обязательстве общим обязательством супругов на том основании, что обязательство остается неисполненным на момент рассмотрения спора.

Ключевые слова: семья, члены семьи, собственность, имущество, совместная собственность супругов, общее имущество супругов, долг супруга, общий долг супругов, общее обязательство супругов

Joint Spousal Debt: View of the Problem[9]

Olga A. Grigoreva

Abstract: The article reveals a number of controversial issues related to the phenomenon of “joint obligations of spouses”. At the beginning of the article the author points to the prerequisite for the possibility of the existence of joint spousal obligations. This is the presence of the opposite phenomenon, namely the common property of the spouses.

Through the analysis of the concept of “family” as an entity that has an internal unity, the author makes a conclusion about possible dual nature of family property relations, i.*e.,* relations within the family and relations of the family with third parties.

In assessing the concept of joint obligation of spouses, the author points to the criteria for distinguishing the joint obligation of spouses from the personal obligation of one of the spouses, notes the lack of legal regulation of joint obligations of spouses, and indicates the procedural order for the recognition of the obligation of one of the spouses as a joint obligation of the spouses.

The author concludes with an overview of the existing problems of law enforcement. Thus, the fundamental criterion “the needs of the family” for classifying an obligation as a joint obligation of spouses is of an evaluative nature and is left by the legislator to judicial practice. At the same, time there is no principle of uniformity in its enforcement. In addition, a negative trend in court practice is pointed out, where courts refuse to satisfy the claims for recognition of the obligation as a joint obligation of spouses on the grounds that the obligation remains unfulfilled at the time of the dispute consideration.

Keywords: family, family members, property, property, joint property of spouses, joint property of spouses, spousal debt, joint debt of spouses, joint obligation of spouses

8 Ссылка для цитирования: Григорьева О. А. Общий долг супругов: взгляд на проблему // Бизнес, менеджмент и право. 2021. № 4. С. 27–34.

9 For Reference: Olga A. Grigoreva. Joint Spousal Debt: View of the Problem // Business, management and law. 2021. № 4. P. 27–34.

Понятие «собственность» и понятие «имущество» для целей правового режима объектов, принадлежащих семье. Семейное законодательство в п. 1 ст. 34 СК РФ, вслед за ст. 256 ГК РФ, устанавливает универсальное правило, согласно которому имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью.

Согласно п. 1 ст. 209 ГК РФ собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Право собственности является институтом вещного права и его нормативному регулированию посвящен раздел II ч. 1 ГК РФ (Право собственности и другие вещные права).

Субъектами права собственности в соответствии с п. 1 ст. 212 ГК РФ признаются частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности.

Гражданское законодательство крайне скупо регулирует вопросы общей совместной собственности супругов, посвящая этому лишь несколько статей – 253, 254, 256 ГК РФ. Основания и порядок раздела общего имущества супругов и выдела из него доли определяются по правилам о долевой собственности (ст. 252 ГК РФ). Владение, пользование и распоряжение имуществом, находящимся в собственности супругов, также подчиняется правилам для долевой собственности (ст. 253 ГК РФ).

Гражданское законодательство крайне скупо регулирует вопросы общей совместной собственности супругов, посвящая этому лишь несколько статей – 253, 254, 256 ГК РФ

Как видим, закон оперирует категорией «собственность» для описания правового режима имущества супругов. В классическом понимании собственность возможна лишь в отношении объектов, которые имеют пространственные границы, являются осязаемыми, то есть вещей.

В п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» [1] разъяснено, что общей совместной собственностью супругов, подлежащей разделу (пп. 1 и 2 ст. 34 СК РФ), является любое нажитое ими в период брака движимое и недвижимое имущество, которое в силу ст. 128 и 129, пп. 1 и 2 ст. 213 ГК РФ может быть объектом права собственности граждан, независимо от того, на имя кого из супругов оно было приобретено или внесены денежные средства, если брачным договором между ними не установлен иной режим этого имущества.

Статьей 128 ГК РФ к объектам гражданских прав, помимо вещей, отнесено иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

Представляется, что все перечисленное в ст. 128 ГК РФ, в настоящее время может составлять супружеское имущество. Подтверждением тому являются многочисленные примеры судебной практики, когда супруги (бывшие супруги) либо их кредиторы озадачиваются разделом такого имущества, приобретенного в браке, или обращением на него взыскания (цифровые финансовые активы, цифровая валюта, биткоины [2, 3, 4], аккаунты [5], товарные знаки [6, 7, 8], бизнес индивидуальной предпринимательской деятельности [9, 10], дебиторская задолженность [11, 12]).

С позиции теории гражданского права принадлежность такого имущества не может быть опосредована правом собственности. Например, права требования, цифровые права, результаты работ, средства индивидуализации являются объектами обязательственного правоотношения, поэтому вещно-правовые институты здесь неуместны. Однако, как мы видим, закон данное различие не отражает.

Из вышесказанного приходится вывести что, используя категории «собственность» для целей определения правового режима имущества, входящего в общую совместную собственность супругов, законодатель делает это условно. Полагаем, что такое решение является вынужденным, ввиду отсутствия в российском законодательстве иного подходящего категориального аппарата.

Правоотношения супругов между собой и с третьими лицами. Современное гражданское и семейное законодательство не содержат легального определения понятия «семья». Статья 2 СК РФ упоминает, кто относится к членам семьи: супруги, родители и дети (усыновители и усыновленные). К другим членам семьи относятся:

– братья и сестры (ст. 93 СК РФ);
– дедушки, бабушки и внуки (ст. 94 СК РФ);
– лица, осуществлявшие фактическое воспитание и содержание несовершеннолетних детей (ст. 96 СК РФ);

– отчим и мачеха, пасынки и падчерицы (ст. 97 СК РФ).

Для целей применения трудового, жилищного законодательства, законодательства о социальной политике применяется иное понимание члена семьи.

В науке можно встретить различные подходы к пониманию семьи: малая социальная группа [13]; союз лиц, связанных родством, свойством [14]; общность совместно проживающих лиц, объединенных правами и обязанностями, предусмотренными семейным законодательством [15]; договор простого товарищества [16].

Все перечисленные точки зрения имеют право на существование. Для настоящего исследования важно, что все специалисты едины в том, что семья представляет собой общность, совокупность, некое обособленное образование. Согласимся с А. Ю. Касаткиной в том, что семья – это сложное, устойчивое социально-правовое, нравственное, экономическое, организационное образование... семья – одно из самых стабильных образований, характеризующихся единством жизнедеятельности ее членов [17].

Это означает, что внутри такой общности, такого образования существуют связи, самые разные: духовные, нравственные, социальные, и, безусловно, имущественные.

Подтверждением для данного тезиса является норма ст. 4 СК РФ, которая говорит о применении семейного/гражданского законодательства к отношениям между членами семьи.

Из чего можно предположить, что существуют два типа правоотношений, возникающих по поводу совместной собственности супругов: имущественные и личные неимущественные отношения внутри семьи, а также отношения, которые возникают между супругами (членами семьи) с третьими лицами по поводу семейного имущества. Очень отдаленно такой характер взаимосвязей напоминает нам правоотношения, складывающиеся в гражданском обороте с участием корпорации и внутри нее между ее участниками.

Выделение двух типов взаимоотношений, в которых задействована общая совместная собственность супругов, позволяют говорить о необходимости учета различий характера этих правоотношений для целей их нормативного регулирования.

Понятие общего долга и правила его распределения. Что такое долг? Что такое общий долг семьи? Как различить личный долг супруга от общего долга супругов?

На практике все чаще возникает необходимость признавать общим долгом супругов долг по уплате коммунальных услуг, по возврату кредита, займа, уплате покупной цены по договору купли-продажи автомобиля, приобретению туристической путевки и других обязательств.

Гражданское и семейное законодательство не содержит ответа на данный вопрос. Статья 128 ГК РФ, перечисляя возможные объекты гражданских прав, называет в том числе право требования к кредитной организации (безналичные денежные средства), то есть выделяет лишь положительную часть имущества, имущественных прав.

Однако, гражданский оборот немыслим без обязанностей, долгов денежных и натуральных.

По мнению некоторых авторов, анализ законодательства, позволяет различать, с одной стороны, принадлежащее супругам имущество (актив), которым они, обладая правом собственности, сообща владеют, пользуются, распоряжаются, что соответствует ст. 34 СК РФ, а, с другой – их имущественное состояние, указывающее на наличие у них не только общего имущественного актива, но и пассива (общих обязательств), что немаловажно для гражданского оборота и взаимодействия в семье [18].

В силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как-то: передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности (п. 1 ст. 307 ГК РФ).

Согласно абз. 4 ст. 2 Федерального закона от 27 сентября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [19] денежное обязательство – обязанность должника уплатить кредитору определенную денежную сумму по гражданско-правовой сделке и (или) иному предусмотренному ГК РФ, бюджетным законодательством РФ основанию.

Под кредиторской задолженностью понимается сумма долгов и обязательств субъекта перед кредиторами. Большой юридический словарь понимает долги (пассив) в качестве части имущества в дополнение к вещам и имущественным правам [20].

Согласно п. 73 Положения по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности [21] расчеты с дебиторами и кредиторами отражаются каждой стороной в своей бухгалтерской отчетности в суммах, вытекающих из бухгалтерских записей и признаваемых ею правильными. По полученным займам и кредитам задолженность показывается с учетом причитающихся на конец отчетного периода к уплате процентов.

Реальность такова, что приобретение супругами дорогостоящего имущества (квартира, дом, приусадебный

участок, автомобиль, обучение детей, семейный отдых, лечение и др.) сегодня очень затруднителен без привлечения заемных/кредитных средств.

Банк России периодически фиксирует рост кредитования физических лиц, особенно в пандемийный период 2020–2021 годов [22].

Согласно сведениям интернет-издания РБК, всего с начала года [на 07.07.2021] кредитные организации одобрили гражданам кредиты на 6,6 трлн руб., из них 2,7 трлн руб. – ипотека [23].

Суммы кредитов и срок их возврата бывают столь значительны, что зачастую «переживают» период существования семьи. Закономерно возникает вопрос о «разделе» долгов, то есть распределении их между супругами (бывшими супругами).

К сожалению, судебная практика по бракоразводным процессам свидетельствует о том, что вопросы распределения долгов, образовавшихся за период существования семьи, остаются без должного внимания. В дальнейшем это приводит к значительным сложностям, как для самих бывших супругов, так и для их кредиторов и иных третьих лиц.

Семейное законодательство крайне лаконично в этом вопросе. Согласно п. 3 ст. 39 СК РФ общие долги супругов при разделе общего имущества супругов распределяются между супругами пропорционально присужденным им долям. В абз. 3 п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» разъяснено, что в состав имущества, подлежащего разделу, включается общее имущество супругов, имеющееся у них в наличии на время рассмотрения дела, либо находящееся у третьих лиц. При разделе имущества учитываются также общие долги супругов (п. 3 ст. 39 СК РФ) и право требования по обязательствам, возникшим в интересах семьи [1].

В п. 2 ст. 45 СК РФ установлено, что взыскание обращается на общее имущество супругов по общим обязательствам супругов, а также по обязательствам одного из супругов, если судом установлено, что все, полученное по обязательствам одним из супругов, было использовано на нужды семьи. При недостаточности этого имущества супруги несут по указанным обязательствам солидарную ответственность имуществом каждого из них.

Итак, для погашения долга за счет общего имущества супругов долг должен являться общим. Согласимся с мнением, что правовое регулирование института общих долговых обязательств супругов не развито [24].

Понимание, что считать общим долгом происходит благодаря правоприменительной практике. В пункте 5 раздела III Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 13 апреля 2016 г. [25] впервые была изложена позиция, согласно которой для возложения на супруга солидарной обязанности обязательство должно являться общим, то есть, как следует из п. 2 ст. 45 СК РФ, возникнуть по инициативе обоих супругов в интересах семьи, либо являться обязательством одного из супругов, по которому все полученное было использовано на нужды семьи.

Пунктом 2 ст. 35 СК РФ, п. 2 ст. 253 ГК РФ установлена презумпция согласия супруга на действия другого супруга по распоряжению общим имуществом.

Однако положения о том, что такое согласие предполагается также в случае возникновения у одного из супругов долговых обязательств с третьими лицами, действующее законодательство не содержит.

Напротив, в силу п. 1 ст. 45 СК РФ, предусматривающего, что по обязательствам одного из супругов взыскание может быть обращено лишь на имущество этого супруга, допускается существование у каждого из супругов собственных обязательств.

Следовательно, в случае заключения одним из супругов договора займа или совершения иной сделки, связанной с возникновением долга, такой долг может быть признан общим лишь при наличии обстоятельств, вытекающих из п. 2 ст. 45 СК РФ, бремя доказывания которых лежит на стороне, претендующей на распределение долга.

Исходя из толкования, изложенного Верховным Судом РФ можно выделить следующие признаки общего долга супругов:

– долг возник в период существования семьи (регистрации брака и фактического совместного проживания супругов);

– долг возник по воле (согласию) супругов;

– полученное по обязательству израсходовано на нужды семьи (в интересах семьи) [26].

При этом не имеет значения кто из супругов выступает стороной обязательства, – совместное заключение договора супругами в качестве созаемщиков, содолжников, либо заключение договора одним из супругов с ведома другого.

Обязанность доказать все признаки для признания долга общим возложена на того из супругов, который претендует на распределение долга [27, 28].

Отметим, что заинтересованным в доказывании общности обязательства для супругов могут быть и третьи лица – кредиторы [29, 30]. Для них обязанность

доказывания объективно затруднена. Навряд ли кредитор способен достоверно обосновать целевое использование полученного по сделке, даже в том случае, если в договоре указано, что все полученное предназначено для общесемейных нужд [31]. В связи с этим, по нашему мнению, в случаях, когда с заявлением о признании долга общим обращается третье лицо (кредитор) распределение бремени доказывания должно быть иным, – ответчик должен доказать, что супруг-заемщик использовал денежные средства на личные цели, а не в интересах семьи.

Закон для признания обязательства общим упоминает такой критерий как «нужды семьи» [32, 33]. Однако, содержание того, что можно признавать потребностями семьи, закон не раскрывает. В практике судов РФ можно встретить упоминания того, что суды расценивают в качестве интересов семьи. Например, приобретение совместного имущества [34, 35] (квартиры, домовладения, автомобилей [36], др.), приобретение мебели [37], предметов быта, освоение земельного участка с целью строительства [38]; на оплату строительных и ремонтных работ в квартире [39, 40], ведение личного подсобного хозяйства, ремонт дома и надворных построек [41, 42]; погашение задолженности по ранее заключенным кредитным договорам [43]; приобретение продуктов питания [44], оплату жилищно-коммунальных услуг [45, 46, 47], телефонии, бензина, туристических поездок, организацию семейного отдыха [48] и даже развитие семейного бизнеса [49].

Согласимся с мнением о том, что есть смысл не исключать автоматически из списка совместных обязательства, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. В каждом случае необходимо выяснять, получила ли какую-то выгоду от этого обязательства семья. В случае приобретения имущества в совместную собственность выгода семьи очевидна [50].

Однако остаются вопросы о том, можно ли считать, например, расходы, произведенные на лечение или обучение одного из супругов в качестве доказательств расходования средств на семейные нужды, либо их нужно оценивать как личный долг одного из супругов? Что делать, если заемщиком выступает один супруг, а расходуются средства фактически на лечение или образование второго супруга?

Лечение способствует восстановлению здоровья, поддержанию трудоспособности человека, значит, направлено, в том числе на более длительное сохранение семьи в качестве устойчивого образования, «ячейки» общества. Но направлено оно, в-первую очередь, на индивида – супругу или супруга.

Обучение может способствовать развитию как личных, так и профессиональных свойств личности – кого-либо из супругов. Потенциально это ведет к увеличению доходов семьи, а значить, и приращению общего имущества.

Что делать, если, получив необходимые медицинские и (или) образовательные услуги, супруги разводятся? Необходимо ли включать долги, появившиеся в связи с лечением и обучением в состав общих долгов и распределять между бывшими супругами? Семейное и гражданское законодательство не дают прямого ответа на эти вопросы. А вопросы эти являются важными и часто возникают в практической юриспруденции.

Как распределить между супругами (бывшими супругами) долг, признанный общим? Согласно указанию п. 4 ст. 256 ГК РФ правила определения долей супругов в общем имуществе при его разделе и порядок такого раздела устанавливаются семейным законодательством.

В п. 3 ст. 39 СК содержится правило о том, что общие долги супругов при разделе общего имущества супругов распределяются между супругами пропорционально присужденным им долям.

Применяя положения п. 3 ст. 39 СК РФ о пропорциональном распределении общих долгов супругов, суду следует учитывать размер (стоимость) долей каждого супруга именно в общем имуществе супругов. Размер доли, которая присуждена одному из супругов в связи с приобретением ее за счет личных средств (полученных в дар, по наследству и т.д.), при распределении общих долгов не учитывается [51].

Одной из проблем, возникающих при распределении общего долга, является ситуация, при которой решением суда произведен раздел общего имущества без учета распределения общего долга. Полагаем, что необходима законодательная норма, исключающая возможность раздела совместно нажитого в период брака имущества без распределения общих долгов между супругами (бывшими супругами).

Отметим, что зачастую суды отказывают в удовлетворении требований о признании задолженности общей на том основании, что обязательство остается неисполненным на момент рассмотрения спора [52, 53].

По нашему мнению, такой подход неверен. Закон не ограничивает право требовать раздела долга только после его погашения. Такой вывод поддерживается Верховным Судом РФ: «Норма п. 3 ст. 39 СК РФ, согласно которой общие долги супругов при разделе общего имущества распределяются между ними пропорционально присужденным им долям, не содержит условия о возможности обращения в суд с иском о разделе долгов супругов лишь после их погашения» [54].

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

При наличии непогашенного долга имеет место действующее обязательство между кредитором и должником. В силу п. 2 ст. 391 ГК РФ перевод долга с должника на другое лицо может быть произведен по соглашению между первоначальным должником и новым должником.

Распределение общего долга в виде определения задолженности каждого из супругов по текущему договору означает изменение условий договора и возможно лишь при наличии согласия кредитора (банка, займодавца, продавца и др.)

По общему правилу п. 1 ст. 450 ГК РФ изменение и расторжение договора возможны по соглашению сторон, если иное не предусмотрено ГК РФ, другими законами или договором.

Поэтому распределение общего долга в виде определения задолженности каждого из супругов по текущему договору означает изменение условий договора и возможно лишь при наличии согласия кредитора (банка, займодавца, продавца и др.). В связи с этим к участию в деле о распределении общего долга в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований, должен быть привлечен кредитор по обязательству. В качестве таковых в зависимости от характера долга могут выступать кредитные организации (банки), займодавцы, подрядчики и др.

В том случае, если в отношении одного из супругов возбуждено дело о несостоятельности (банкротстве) в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, к участию в деле о распределении общего долга должен быть привлечен финансовый управляющий. Полагаем, что право на участие в деле имеют также отдельные кредиторы или представитель собрания (комитета) кредиторов.

Более того, и финансовый управляющий и кредиторы вправе инициировать разбирательство, то есть обратиться в суд с требованием о разделе имущества супругов с учетом долговых обязательств.

Отметим, что приоритетной формой раздела имущества супругов является не определение долевой собственности на имущество, а раздел имущества в натуре с передачей каждому из супругов конкретного имущества как единого целого объекта с выплатой соответствующих компенсаций.

Возникшие в период брака общие обязательства по договорам, обязанности, исполнения которых после прекращения брака лежат на одном из бывших супругов, могут быть компенсированы супругу путем передачи ему в собственность соответствующей части имущества сверх полагающейся ему по закону доли в совместно нажитом имуществе [55].

Сказанное выше позволяет заключить, что вопросы определения общности долгов супругов (бывших супругов) имеют практическую значимость. Отсутствие четкого нормативного регулирования приводит к разным подходам, применяемым судами. Законодательство о семье, общем имуществе супругов, общих обязательствах супругов нуждается в развитии. Существующее нормативное регулирование не удовлетворяет всем потребностям гражданского оборота, требует уточнений и новелл. Заинтересованными в этом являются не только супруги, члены семьи, но и третьи лица (кредиторы, государство).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 г. № 15 (ред. от 06.02.2007 г.) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 1.

2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 31.08.2021 г. № 51-КГПР21-4-К8 // СПС «Консультант Плюс».

3. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.09.2020 г. № 11АП-8523/2020 по делу № А55-32490/2018 // СПС «Консультант Плюс».

4. Гусятников П. Делятся ли биткоины при разводе? // Tjournal. 21 января 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://tjournal.ru/flood/137611-delyatsya-li-bitkoiny-pri-razvode (дата обращения: 02.09.2021).

5. Суд поделит общий Instagram супругов // Необычный спор рассмотрят в Москве [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2020. 4 декабря. URL: https://zakon.ru/discussion/2020/12/04/sud_podelit_obschij_instagram_suprugov__neobychnyj_spor_rassmotryat_v_moskve (дата обращения: 02.09.2021).

6. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 17.09.2021 г. № С01-1405/2021 по делу № А19-17458/2020 // СПС «Консультант Плюс».

7. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.02.2020 г. № 17АП-17456/2018(12)-АК по делу № А60-30688/2017 // СПС «Консультант Плюс».

8. Апелляционное определение Московского городского суда от 28.08.2019 по делу № 33-30809/2019 // СПС «Консультант Плюс».

9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26.03.2019 г. № 81-КГ19-2 // СПС «Консультант Плюс».

10. Верховный суд рассказал, как делить бизнес при разводе // Право.ру. 29 мая 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.ru/story/211337 (дата обращения: 02.09.2021).

11. Определение Липецкого областного суда от 26.12.2011 г. по делу № 3549-2011 // СПС «Консультант Плюс».

12. Постановление президиума Приморского краевого суда от 06.12.2010 г. № 44г-120 // СПС «Консультант Плюс».

13. Мананкова Р. П. Пояснительная записка к концепции проекта нового Семейного кодекса Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2012. № 4. С. 26–41.

14. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М., 1995. С. 166.

15. Нечаева А. М. Семейное право: Учеб. для акад. бакалавр. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2015. С. 33.

16. Ильина О. Ю. Современная российская семья как договор простого товарищества // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 12–15.

17. Касаткина А. Ю. Семья в Российской Федерации: проблемы теории и практики // Семейное и жилищное право. 2021. № 5. С. 7–9.

18. Косова О. Ю. Общие долги супругов: раздел или распределение // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 17–20.

19. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 28 октября 2002 г. № 43. Ст. 4190.

20. Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева. 3-е изд. М., 2007. С. 267.

21. Приказ Минфина России от 29.07.1998 № 34н «Об утверждении Положения по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

22. Статистические сведения о кредитах, предоставленных физическим лицам по состоянию на 01.01.2021 г. URL: https://cbr.ru/statistics/pdko/f316/f316-info/?fdate=202101&regn=1481 (дата обращения: 10.08.2021).

23. Казарновский П. Июнь стал рекордным месяцем по выдаче населению кредитов наличными // РБК. 7 июля 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/finances/07/07/2021/60e554e09a79476ba08b0d2b (дата обращения 02.08.2021).

24. Мазовка Е. Н. Признание долговых обязательств общими обязательствами супругов: анализ судебной практики // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 12. С. 82–89.

25. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016) // СПС «Консультант Плюс».

26. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 03.03.2015 г. № 5-КГ14-162 // СПС «Консультант Плюс».

27. Определение Конституционного Суда РФ от 07.02.2013 г. № 116-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Коробейникова Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав абзацем первым пункта 2 статьи 45 Семейного кодекса РФ» // СПС «Консультант Плюс».

28. Определение Верховного Суда РФ от 13.09.2016 г. № 41-КГ16-28 // СПС «Консультант Плюс».

29. Определение Московского городского суда от 08.09.2017 г. № 4Г-9513/2017 // СПС «Консультант Плюс».

30. Апелляционное определение Московского городского суда от 20.06.2017 г. по делу № 33-23282/2017 // СПС «Консультант Плюс».

31. Кассационное определение Московского городского суда от 21.10.2016 г. № 4г-11913/2016 // СПС «Консультант Плюс».

32. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24.09.2019 г. № 18-КГ19-94 // СПС «Консультант Плюс».

33. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.01.2019 г. № 18-КГ18-242 // СПС «Консультант Плюс».

34. Определение Верховного Суда РФ от 06.06.2017 г. № 4-КГ17-28 // СПС «Консультант Плюс».

35. Определение Верховного Суда РФ от 05.08.2021 г. № 308-ЭС19-28566(5) // СПС «Консультант Плюс».

36. Определение Верховного Суда РФ от 16.08.2021 г. № 308-ЭС20-3768(4) // СПС «Консультант Плюс».
37. Апелляционное определение Суда Еврейской автономной области от 26.12.2014 г. по делу № 33-700/2014 // СПС «Консультант Плюс».
38. Апелляционные определения Московского городского суда от 02.03.2020 г. по делу № 2-3407/2019, 33-9286/2020 // СПС «Консультант Плюс».
39. Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 10.07.2014 г. по делу № 33-9328/2014 // СПС «Консультант Плюс».
40. Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 03.12.2013 г. по делу № 33-9137/2013 // СПС «Консультант Плюс».
41. Определение Московского городского суда от 03.02.2017 г. № 4г-1075/2017 // СПС «Консультант Плюс».
42. Апелляционное определение Московского городского суда от 12.11.2018 г. по делу № 33-49449/2018 // СПС «Консультант Плюс».
43. Апелляционное определение Московского городского суда от 06.08.2018 г. по делу № 33-34200/2018 // СПС «Консультант Плюс».
44. Апелляционное определение Омского областного суда от 06.09.2017 г. по делу № 33-5987/2017 // СПС «Консультант Плюс».
45. Апелляционное определение Суда Чукотского автономного округа от 25.04.2013 г. № 33-59/2013 по делу № 2-29/13 // СПС «Консультант Плюс».
46. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 11.06.2013 г. по делу № 33-3151/13 // СПС «Консультант Плюс».
47. Апелляционное определение Белгородского областного суда от 03.09.2013 г. по делу № 33-3046 // СПС «Консультант Плюс».
48. Апелляционное определение Московского городского суда от 14.09.2018 г. по делу № 33-32427/2018 // СПС «Консультант Плюс».
49. Определение Верховного Суда РФ от 08.09.2021 г. № 306-ЭС21-15254 по делу № А55-7739/2018 // СПС «Консультант Плюс».
50. Ломакина П. А. Совместные обязательства супругов. Проблемы доказывания // Закон. 2018. № 12. С. 144–154.
51. Информационное письмо об актуальных вопросах, возникающих при разрешении споров о разделе совместно нажитого в период брака имущества, утверждено президиумом Свердловского областного суда 27 декабря 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ekboblsud.ru/sudpr_det.php?srazd=12&id=230&page=1 (дата обращения: 02.09.2021).
52. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 27.09.2021 г. № 88-19141/2021, 88-20133/2021 // СПС «Консультант Плюс».
53. Апелляционное определение Московского городского суда по делу от 26.08.2020 г. № 33-29803/2020 // СПС «Консультант Плюс».
54. Определение Верховного Суда РФ от 08.09.2015 г. № 5-КГ15-81 // СПС «Консультант Плюс».
55. Информационное письмо об актуальных вопросах, возникающих при разрешении споров о разделе совместно нажитого в период брака имущества (утв. президиумом Свердловского областного суда 27.12.2018 г.) // СПС «Консультант Плюс».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Григорьева Ольга Анатольевна
(Россия, Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета, e-mail: olgagrig@rambler.ru, ORCID 0000-0001-7140-2291.

AUTHOR'S DETAILS

Olga A. Grigoreva
(Russia, Ekaterinburg), Candidate of Juridical Sciences, Associated Professor of Business Law Department, Ural State Law University, e-mail: olgagrig@rambler.ru, ORCID: 0000-0001-7140-2291.

УДК 349.4

К вопросу о соотношении водного законодательства и законодательства о недрах[10]

Винницкий А. В., Вагина О. В., Гаевская Е. Ю., Листопад О. Ф., Саввина Л. Я.

Аннотация: В представленной статье авторами рассматривается соотношение и конкуренция норм водного и горного законодательства в вопросах правового регулировании и, соответственно, определения правового режима подземных вод. Говорится, что до настоящего времени остается открытым вопрос, объектом какой подотрасли природоресурсного права являются подземные воды. Авторами статьи отмечается разобщенность правового регулирования, обостряющая проблему реализации норм права в данной сфере и приводящая к коллизиям и противоречиям. В научной статье авторы предпринимают попытку ответить на дискуссионные вопросы о возможности отнесения подземных вод к полезным ископаемым, по смыслу действующего законодательства, и о возможности распространения правового режима промышленных вод на подземные питьевые воды и подземные технические воды. В научной статье разграничиваются такие понятия как «подземные воды» и «грунтовые воды», анализируется «Общероссийский классификатор полезных ископаемых и подземных вод. ОК 032-2002», стандарт, закрепляющий основной понятийный аппарат в сфере использования и охраны недр – ГОСТ Р 59071-2020 и судебная практика. Производится анализ системы норм правового регулирования разновидностей подземных вод, таких как технические, питьевые и промышленные.

Ключевые слова: подземные воды, грунтовые воды, недра, промышленные воды, правовой режим водных объектов

Regarding the Relationships Between Water and Subsoil Legislation[11]

Andrey V. Vinnitskiy, Olga V. Vagina, Ekaterina U. Gaevskay, Oksana F. Listopad, Ludmila Ya. Savvina

Abstract: In the article the authors consider the correlation and competition between the norms of water and mining legislation in the issues of legal regulation and, accordingly, the definition of the legal regime of groundwater. It is said that so far, the question remains open which sub-branch of natural resources law regulates groundwater. The authors of the article note the fragmentation of legal regulation, which aggravates the problem of implementation of legal norms in this area and leads to collisions and contradictions. In this article the authors make an attempt to answer disputable questions about possibility of reference of groundwater to useful minerals in accordance with the current legislation and about possibility of extension of legal regime of industrial waters to underground drinking waters and underground technical waters. In a scientific article such concepts as “groundwater” and “subsurface water” are distinguished. The “All-Russian classifier of minerals and underground waters OK 032-2002” is analyzed. The standards that set out the basic conceptual apparatus in the use and protection of mineral resources are GOST R 59071-2020 and judicial practice. The authors analyze the system of norms of legal regulation of different types of ground waters, such as technical, potable and industrial ones.

Keywords: groundwater, subsurface water, subsoil, industrial water, legal regime of water objects

10 Ссылка для цитирования: Винницкий А. В., Вагина О. В., Гаевская Е. Ю., Листопад О. Ф., Саввина Л. Я. Актуальные вопросы возмещения вреда, причиненного недрам вследствие нарушения горного законодательства // Бизнес, менеджмент и право. 2021. № 4. С. 35–41.

11 For Reference: Andrey V. Vinnitskiy, Olga V. Vagina, Ekaterina U. Gaevskay, Oksana F. Listopad, Ludmila Ya. Savvina. Regarding the Relationships Between Water and Subsoil Legislation // Business, management and law. 2021. № 4. P. 35–41.

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

Введение

Правовое регулирование подземных вод носит комплексный и межотраслевой характер, поскольку исторически регулируется и водным законодательством, и законодательством о недрах, которые в свою очередь являются подотраслями динамично развивающегося российского экологического права. Проблемы соотношения и конкуренции названных сфер законодательства собственно и порождают множество вопросов, которые возникают на практике.

Согласимся с мнением Д. В. Хаустова вопрос соотношения отдельных подотраслей российского природоресурсного права важен как с концептуальной, так и с практической точек зрения. Анализ соответствующих норм позволяет сделать вывод о недопустимости простого дробления законодательства о природопользовании на части в зависимости от вида природного ресурса. О том, что правовое регулирование в данной отрасли необходимо правильно разграничить и взаимно увязать, свидетельствует исследование любых пограничных правоотношений, но особенно показательно соотношение водного законодательства и законодательства о недрах при регулировании добычи подземных вод [1].

Правовое регулирование подземных вод носит комплексный и межотраслевой характер

В правовой науке экологического права неоднократно поднимались дискуссионные вопросы о том, к какой отрасли природоохранного и природоресурсного права относится правовое регулирование использования и охраны подземных вод. Мнения ученых разделились: ряд научных деятелей (Л. А. Заславская, А. А. Рускол, Н. А. Сыродоев) [2, 3] полагал, что правовое регулирование подземных вод подчинено одновременно двум отраслям права – горному и водному, другие (О. С. Колбасов, Н. Б. Мухитдинов) [4, 5] придерживались однозначной позиции о том, что подземные воды относятся только к водному праву.

Материалы и методы

Сегодня вопрос о том, объектом какой отрасли природоресурсного права являются подземные воды, не решен: нормы водного законодательства имеют отсылочный характер к законодательству о недрах, а горное право специальных норм об использовании и охране подземных вод не содержит. Разобщенность правового регулирования в нескольких отраслях природоресурсного права обостряет проблему реализации норм права в данной сфере, поскольку приводит к коллизиям и противоречиям. В то же время не потеряло актуальность мнение профессора С. Н. Братуся о том, что между отраслями права нет непроходимых граней, как нет их и между различными видами общественных отношений [6].

Авторы, используя общенаучные методы, междисциплинарные (частные) методы, а также специальные (специфические) методы исследования, такие как сравнительно-правовой и формально юридический, постараются ответить на следующие дискуссионные вопросы:

– возможно ли отнести подземные воды к полезным ископаемым по смыслу действующего законодательства?

– являются ли подземные питьевые воды и подземные технические воды водами, содержащими полезные ископаемые (промышленные воды).

Результаты исследования и их обсуждение

Итак, перейдем к первому вопросу об относимости подземных вод к полезным ископаемым по смыслу действующего законодательства.

Согласно ст. 1 Водного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ВК РФ) подземные воды относятся к водным ресурсам (п. 3), а постоянное сокращение запасов и ухудшение качества подземных вод признается истощением вод (п. 15). Статья 5 данного Кодекса, раскрывая виды водных объектов, относит к подземным водным объектам бассейны подземных вод и водоносные горизонты. В соответствии с приказом № 679 Минприроды России от 27 декабря 2016 г. «Об утверждении Классификации водоносных горизонтов (первый, второй и иные водоносные горизонты)» по порядку расположения сверху вниз по разрезу от земной поверхности водоносные горизонты классифицируются на:

– первый водоносный горизонт (водоносный горизонт, расположенный на участке недр первым от поверхности земли, залегающий на водоупорном горизонте);

– второй водоносный горизонт (водоносный горизонт, расположенный на участке недр вторым от поверхности земли, перекрытый водоупорным горизонтом и залегающий на водоупорном горизонте);

– иные (третий и более глубокие, следующие по порядку) водоносные горизонты (водоносные горизонты, последовательно расположенные ниже второго водоносного горизонта, разделенные между собой водоупорными горизонтами).

По наличию или отсутствию гидравлической связи с поверхностными водными объектами водоносные горизонты классифицируются на:

– имеющие гидравлическую связь с поверхностными водными объектами;

– не имеющие гидравлической связи с поверхностными водными объектами.

По возможности использования водоносных горизонтов в качестве источников централизованного водоснабжения водоносные горизонты классифицируются на:

1) используемые в качестве источников централизованного водоснабжения;

2) не используемые в качестве источников централизованного водоснабжения.

При этом нормативно правовое понятие подземных вод в водном законодательстве отсутствует, однако в целом оно укладывается в родовое понятие водных объектов, данное в п. 3 ст. 1 Водного кодекса Российской Федерации (объект, постоянное или временное сосредоточение вод в котором имеет характерные формы и признаки водного режима). Не определено и понятие «бассейны подземных вод». Кроме того, в законодательстве не закреплена единая величина заглубления, на которой может находиться первый водоносный горизонт.

Согласно информации полученной на официальном сайте ФГБУ «ФКП Росреестра» глубина залегания источников подземных вод определяется климатическими, геологическими, гидрологическими и другими особенностями каждой конкретной местности. При этом необходимо также разграничивать понятие «подземные воды» и «грунтовые воды», нормативно-правовое определение которого отсутствует. Геологический словарь определяет «грунтовую воду» как гравитационную воду первого от поверхности Земли постоянно существующего водоносного горизонта, расположенного на первом водоупорном слое. Имеет свободную водную поверхность. Обычно над ней нет сплошной кровли из водонепроницаемых пород [7]. По смыслу грунтовые воды расположены на первом водоносном горизонте подземных вод, но над ними нет сплошной кровли из водонепроницаемых пород, то есть вода в виде осадков пополняет объем грунтовых вод.

Следует отметить, что нормы ВК РФ, определяющие границы водных объектов (п. 6 ст. 5), формы собственности на подземные водные объекты (п. 6 ст. 8), закрепляющие основания приобретения (п. 3 ст. 9) и прекращения права пользования подземными водными объектами (п. 2 ст. 10), устанавливающие требования по сбору и хранению документированных сведений о подземных водных объектах (п. 5 ст. 31) и порядок использования подземных водных объектов для отдельных видов водопользования (п. 3 ст. 43) носят бланкетный характер и отсылают к законодательству о недрах.

Соответственно, главная роль в регулировании отношений, связанных с использованием и охраной подземных вод, принадлежит законодательству о недрах. Впрочем, водное законодательство сохраняет самостоятельное значение (ст. 34, 35, 59 и др.). Такой подход находит свое отражение и в судебной практике по применению норм административной ответственности за использование (забор подземных вод) организацией без специального разрешения (лицензии) на право пользования недрами для целей добычи подземных вод. Так по вопросу применения норм ст. 7.3 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) (Пользование недрами без лицензии на пользование недрами либо нарушение условий, предусмотренных лицензией на пользование недрами, и (или) требований утвержденных в установленном порядке технических проектов) единая позиция в решениях судов отсутствует. Так, часть судов поддерживает указанный вывод (см., например, Постановления ФАС Уральского округа от 16 октября 2007 г. № Ф09-8417/07-С1, ФАС Северо-Кавказского округа от 14 ноября 2007 г. № Ф08-7490/07-2510А). В свою очередь, ФАС Московского округа в Постановлении от 21 ноября 2007 г. № КА-А40/11824-07 нашел подобные выводы ошибочными, основанными на неправильном толковании норм материального права, и что подобное правонарушение должно квалифицироваться по ст. 7.6 КоАП РФ (Самовольное занятие водного объекта или пользование им с нарушением установленных условий), а не ст. 7.3 КоАП РФ.

В преамбуле Закона «О недрах» определено, что закон регулирует отношения, возникающие в области геологического изучения, использования и охраны недр, разработки технологий геологического изучения, разведки и добычи трудноизвлекаемых полезных ископаемых, использования отходов добычи полезных ископаемых и связанных с ней перерабатывающих производств, специфических минеральных ресурсов (рапы лиманов и озер, торфа, сапропеля и других), подземных вод, включая попутные воды (воды, извлеченные из недр вместе с нефтью, газом и газовым конденсатом (далее – углеводородное сырье), и вод, использованных пользователями недр для собственных производственных и технологических нужд.

Приведенная правовая норма позволяет сделать вывод о том, что законодатель на сегодняшний день не относит подземные воды ни к полезным ископаемых, ни к специфическим минеральным

ресурсам, а позиционирует их в качестве самостоятельной категории, разграничивая тем самым правовые режимы указанных объектов. Данный подход прослеживается и предыдущих редакциях названного нормативного акта. Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 505-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О недрах»» законодатель четко проявил свою позицию по последовательному разграничению таких понятий как «полезные ископаемые» и «подземные воды».

Однако, в науке существовала и противоположная точка зрения, в частности, Д. В. Хаустов отмечал, что содержание Закона РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-I «О недрах» позволяет говорить о подземных водах как о полезном ископаемом [1]. Подобное отождествление было представлено и в разделе 1.4 Государственного доклада «О состоянии и использовании водных ресурсов Российской Федерации в 2018 году»: «Подземные воды являются одним из источников водоснабжения и важнейшим полезным ископаемым».

Например, государственная экспертиза осуществляется в отношении полезных ископаемых и подземных вод (п. 5 ст. 3, п. 5 ст. 14.1, ст. 4, п. 4 ст. 23, ст. 29 Закона «О недрах»). Как отдельные предметы правового регулирования законодателем обозначаются подземные воды и общераспространенные полезные ископаемые как при геологическом изучении (ст. 18 Закона «О недрах»), так и при добыче для собственных нужд (ст. 19 Закона «О недрах»).

Ключевое значение для ответа на поставленный вопрос имеет также «Общероссийский классификатор полезных ископаемых и подземных вод. ОК 032–2002» (утв. Постановлением Госстандарта России от 25 декабря 2002 г. № 503-ст), в самом названии уже разделяющий такие понятия как «полезные ископаемые» и «подземные воды». В тексте данного документа закреплено, что объектами классификации являются полезные ископаемые (природные скопления минералов, горных пород, нефти, газов) и подземные воды в недрах земли. Таким образом, установлена граница, отделяющая подземные воды от полезных ископаемых.

Следует отметить, что понятие и «полезные ископаемые» на законодательном уровне не закреплено. Не конкретизированы анализируемые понятия и на уровне разъяснений высших судебных инстанций.

В 2020 г. техническим комитетом по стандартизации № 409 «Охрана окружающей природной среды» совместно с Федеральным государственным унитарным предприятием «Российский научно-технический центр информации по стандартизации, метрологии и оценке соответствия» (ФГУП «СТАНДАРТИНФОРМ») был разработан и утвержден стандарт, закрепляющий основной понятийный аппарат в сфере использования и охраны недр в целях выработку соответствующих терминов и определений – ГОСТ Р 59071-2020.

В п. 5 ГОСТ Р 59071-2020 предисловия отмечается, что данный стандарт является основополагающим по отношению к Закону «О недрах».

В п. 29 указанного нормативного акта закреплено понятие полезных ископаемых: «содержащиеся в недрах природные минеральные образования неорганического или органического происхождения, которые находятся в твердом, жидком или газообразном состоянии, химический состав и физические свойства которых позволяют осуществлять их промышленное и иное хозяйственное использование в природном виде или после первичной обработки (очистки, обогащения)». Как мы видим из приведенного определения, подземные воды к полезным ископаемым не относятся.

ОК 032-2002, входящий в состав Единой системы классификации и кодирования технико-экономической и социальной информации в Российской Федерации, также полезные ископаемые и подземные воды, в том числе используя различное кодирование данных объектов.

Справочно отметим, что относимость подземных вод к полезным ископаемым выступает предметом давних споров в отечественной юридической доктрине ввиду недостаточной неопределенности и трансформаций законодательства на различных этапах его развития. Так, некоторые теоретики продолжают настаивать на отнесении подземных вод к полезным ископаемым [8, 9]. Однако данная позиция скорее авторскую позицию de lege ferenda (с точки зрения желательного закона), а не текущее состояние нормативного регулирования. Именно поэтому сторонники подобного подхода высказываются в пользу корректив законодательства, которое, однако, продолжает последовательно развиваться в ином направлении.

Налоговое законодательство несколько иначе подходит к соотношению понятий «подземные воды» и «полезные ископаемые». В частности, к одному из видов полезных ископаемых Налоговый кодекс Российской Федерации относит подземные воды, содержащие полезные ископаемые (промышленные воды) и (или) природные лечебные ресурсы (минеральные воды), а также термальные воды (пп. 15 п. 2 ст. 337).

Однако нужно учитывать заложенные ограничения в применении данного подхода: понятие полезных ископаемых, приведенное в п. 1 ст. 337, и раскрытые далее их виды применяются для целей гл. 26 Налогового

кодекса Российской Федерации. Это в полной мере соответствует п. 1 ст. 11 Кодекса, в силу которой институты, понятия и термины гражданского, семейного и других отраслей законодательства Российской Федерации, используемые в НК РФ, применяются в том значении, в каком они используются в этих отраслях законодательства, если иное не предусмотрено НК РФ.

Таким образом, кажущаяся коллизия разрешена самим законодателем: понятия полезных ископаемых и подземных вод в их значении и соотношении, которые заложены в ст. 337 НК РФ, ограничены сугубо налоговыми отношениями.

Отвечая на второй вопрос – являются ли подземные питьевые воды и подземные технические воды водами, содержащими полезные ископаемые (промышленные воды), отметим, что Приказом Минприроды России от 30 июля 2020 г. № 530 «Об утверждении Правил разработки месторождений подземных вод» подземные воды подразделяются на питьевые, технические, минеральные, термальные (теплоэнергетические) и промышленные.

Аналогичную классификацию содержит и Приказ Роснедр от 29 октября 2010 г. № 1274 «Об утверждении методических рекомендаций по обеспечению учета ресурсной базы подземных вод с применением Классификатора названий месторождений и участков месторождений», выделяющий типы подземных вод в соответствии с ранее упоминавшимся Общероссийским классификатором полезных ископаемых и подземных вод (ОК 032-2002).

Следовательно, в нормативно-правовом регулировании последовательно различаются такие типы (разновидности) подземных вод как питьевые, технические и промышленные.

В соответствии с ВК РФ подземные водные объекты, защищенные от загрязнения и засорения, относятся к источникам питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения (ст. 34). Согласно п. 4 ст. 43 Кодекса на территориях, на которых отсутствуют поверхностные водные объекты, но имеются достаточные ресурсы подземных вод, пригодных для целей питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения, в соответствии с законодательством о недрах допускается в исключительных случаях использование подземных вод для целей, не связанных с питьевым и хозяйственно-бытовым водоснабжением.

Определение техническим и питьевым водам дано в п. 18, 24 ст. 2 Федерального закона «О водоснабжении и водоотведении»:

– питьевая вода – вода, за исключением бутилированной питьевой воды, предназначенная для питья, приготовления пищи и других хозяйственно-бытовых нужд населения, а также для производства пищевой продукции.

– техническая вода – вода, подаваемая с использованием централизованной или нецентрализованной системы водоснабжения, не предназначенная для питья, приготовления пищи и других хозяйственно-бытовых нужд населения или для производства пищевой продукции п. 24 ст. 2 Федерального закона «О водоснабжении и водоотведении».

Важно подчеркнуть, что только питьевая и техническая вода используется при водоснабжении, под которым понимается водоподготовка, транспортировка и подача питьевой или технической воды абонентам с использованием централизованных или нецентрализованных систем холодного водоснабжения (холодное водоснабжение) или приготовление, транспортировка и подача горячей воды абонентам с использованием централизованных или нецентрализованных систем горячего водоснабжения (горячее водоснабжение) (п. 4 ст. 2 Закона).

В свою очередь, «Общероссийский классификатор полезных ископаемых и подземных вод ОК 032-2002» (см. приложение Б) приводит следующие определения:

– подземные питьевые воды – воды, в которых бактериологические, органолептические показатели и показатели токсических химических веществ находятся в пределах норм питьевого водоснабжения;

– подземные технические воды – воды, кроме питьевых, минеральных и промышленных, пригодные для использования в экономике.

Анализ действующего законодательства и законодательства о недрах в любом случае исключают вывод о наличии полезных ископаемых в подземных питьевых и технических водах.

Промышленные воды определяются нормативно-правовыми актами, следующим образом:

– воды, компонентный состав и ресурсы которых достаточны для извлечения компонентов в промышленных масштабах (приложение Б к ОК 032-2002);

– гидроминеральное сырье, обеспечивающее производство (см. Приказ Минприроды России от 29 сентября 2009 г. № 315 «Об утверждении Административного регламента Федерального агентства по недропользованию по исполнению государственных функций по осуществлению выдачи, оформления и регистрации лицензий на пользование недрами, внесения изменений и дополнений в лицензии на пользование участками недр, а также переоформления лицензий и принятия, в том числе по представлению Федеральной службы по надзору в сфере природопользования и иных

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

уполномоченных органов, решений о досрочном прекращении, приостановлении и ограничении права пользования участками недр»). Аналогичную норму содержит и Приказ Роснедр от 19 марта 2020 г. № 110 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральным агентством по недропользованию государственной услуги по организации проведения конкурсов и аукционов на право пользования недрами».

К промышленным подземным водам относятся подземные воды и рассолы, содержащие полезные компоненты или их соединения в количествах, обеспечивающих в пределах конкретных гидрогеологических районов (или их отдельных частей) рентабельную добычу и переработку этих вод с целью получения полезной продукции существующими техническими средствами и с использованием современных технологических процессов.

По специфическому микрокомпонентному составу подземные промышленные воды подразделяют на бромные, йодные, йодобромные (см. приложение Б к ОК 032-2002). Встречаются и иные классификации d согласно производственного издания 1988 г. «Геолого-экономическая оценка месторождений промышленных вод».

Соответственно, промышленные воды, как гидроминеральное сырье, могут быть источником для добычи отдельных ископаемых. Промышленные воды не предназначены для питья, хозяйственно-бытовых и технических целей использования. В этом убеждает и недавно принятый Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 179-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О недрах» в части совершенствования добычи полезных ископаемых, не относящихся к углеводородному сырью, из подземных вод, попутных вод и вод, используемых для собственных производственных и технологических нужд, при разведке и добыче углеводородного сырья».

Выводы

1. Законодательство о недрах, водное законодательство и принятые в их развитие подзаконные нормативные акты последовательно разграничивают понятия «подземные воды» и «полезные ископаемые», формируя различные правовые режимы деятельности по их добыче.

Частичное пересечение данных категорий в налоговом законодательстве исчерпывается сферой и целями налогообложения.

2. Существующая система нормативно-правового регулирования различают такие типы (разновидности) подземных вод как питьевые, технические и промышленные.

Подземные водные объекты, защищенные от загрязнения и засорения, относятся к источникам питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения.

Питьевые и технические подземные воды, используемые при водоснабжении, с точки зрения действующего не рассматриваются в качестве полезного ископаемого и (или) источника для добычи полезных ископаемых.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Хаустов Д. В. Коллизионные вопросы соотношения водного законодательства и законодательства о недрах при регулировании добычи подземных вод // Законодательство. 2006. № 6. С. 51.

2. Заславская Л. А. Законодательство о недрах // Советское государство и право. 1977. № 7. С. 63–70.

3. Сыродоев Н. А. Правовой режим недр. М.: Юридическая литература, 1969. 168 с.

4. Колбасов О. С. Теоретические основы права пользования водами в СССР / АН СССР. Институт государства и права. М.: Наука, 1972. 228 с.

5. Мухитдинов Н. Б. Основы горного права: (Некоторые важные положения теории и практики). Алма-Ата: Казахстан, 1983. 248 с.

6. Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права / С. Н. Братусь. М.: Госюриздат, 1963, 198 с.

7. Геологический словарь: в 2-х томах / под ред. К. Н. Паффенгольца и др. М.: Недра, 1978.

8. Язвин А. Л. Еще раз о «подземных водах и полезных ископаемых» // Разведка и охрана недр. 2020. № 5.

9. Пугач С. Л., Спектор С. В. Прогнозные ресурсы, запасы, добыча и качество подземных вод по федеральным округам и по основным речным бассейнам России // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2010. № 1. С. 8–11.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Винницкий Андрей Владимирович
(Россия, Екатеринбург), доктор юридических наук, профессор, проректор по науке Уральского государственного юридического университета, заведующий кафедрой земельного, градостроительного и экологического права Уральского государственного юридического университета, e-mail: av.vinnitskiy@gmail.com, ORCID: 0000-0002-8813-3486.

Вагина Ольга Валерьевна
(Россия, Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного, градостроительного и экологического права Уральского государственного юридического университета, e-mail: bmpmag@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2734-2863.

Гаевская Екатерина Юрьевна
(Россия, Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного, градостроительного и экологического права Уральского государственного юридического университета, e-mail: ekaterinagaevskay@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9723-1486.

Листопад Оксана Федеровна
(Россия, Екатеринбург), старший преподаватель кафедры земельного, градостроительного и экологического права Уральского государственного юридического университета, e-mail: u1062@list.ru, ORCID: 0000-0001-8892-5224.

Саввина Людмила Яковлевна
(Россия, Екатеринбург), старший преподаватель кафедры земельного, градостроительного и экологического права Уральского государственного юридического университета, e-mail: savvina.l@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7934-476X.

AUTHORS' DETAILS

Andrey V. Vinnitskiy
(Russia, Ekaterinburg), Doctor of Juridical Sciences, Professor, Vice-Rector Of Science, Ural State Law University, head of Land, Urban Planning and Environmental Law Department, Ural State Law University, e-mail: av.vinnitskiy@gmail.com, ORCID: 0000-0002-8813-3486.

Olga V. Vagina
(Russia, Ekaterinburg), Candidate of Juridical Sciences, Associated Professor of Land, Urban Planning and Environmental Law Department, Ural State Law University, e-mail: bmpmag@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2734-2863.

Ekaterina U. Gaevskay
(Russia, Ekaterinburg), Candidate of Juridical Sciences, Associated Professor of Land, Urban Planning and Environmental Law Department, Ural State Law University, e-mail: ekaterinagaevskay@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9723-1486.

Oksana F. Listopad
(Russia, Ekaterinburg), Senior Lecturer of Land, Urban Planning and Environmental Law Department, Ural State Law University, e-mail: u1062@list.ru, ORCID: 0000-0001-8892-5224.

Ludmila Ya. Savvina
(Russia, Ekaterinburg), Senior Lecturer of Land, Urban Planning and Environmental Law Department, Ural State Law University, e-mail: savvina.l@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7934-476X.

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

УДК 349.4

Некоторые особенности договора аренды водопроводной скважины, находящейся в частной собственности физического лица и необходимой для обеспечения устойчивого водопользования населенного пункта[12]

Пельвицкая Е. П.

Аннотация: В статье проводится правовой анализ положения субъектов-собственников объектов централизованной системы водоснабжения и водоотведения. Автором выявлено, что вследствие приватизации государственного имущества, произошедшей в 90-е годы, в собственности частных лиц оказались объекты централизованной системы водоснабжения и водоотведения. При этом законом установлено, что собственники объектов централизованной системы водоснабжения и водоотведения не вправе препятствовать транспортировке по их водопроводным и (или) канализационным сетям воды (сточных вод) в целях обеспечения горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения абонентов, объекты капитального строительства которых подключены (технологически присоединены) к таким сетям. В то же время собственник таких сетей не вправе их самостоятельно использовать, но обязан заключить договор по эксплуатации сетей со специализированной организацией. Однако для получения платы за пользование сетями собственник должен зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя и дождаться установления тарифа за пользование его хозяйственными сетями, если плата за пользование не учтена в тарифе на услуги водоснабжения и водоотведения. Самостоятельно устанавливать цены и условия договора пользования системами водоснабжения и водоотведения собственник не вправе.

Ключевые слова: объекты коммунальной инфраструктуры, приватизация государственного и муниципального имущества, договор аренды, плата за пользование объектами коммунальной инфраструктуры

Some Peculiarities of Lease Agreement for a Water Well that is Privately Owned by an Individual and is Necessary to Ensure Sustainable Water Use of a Settlement[13]

Elisaveta P. Pelvitskay

Abstract: In article the legal analysis of a situation of subjects-owners of objects of the centralized system of water supply and water removal is carried out. The author has revealed that as a result of privatization of the state property, which occurred in the 90's, the objects of the centralized system of water supply and sanitation became the property of private persons. At the same time, the law establishes that owners of objects of the centralized system of water supply and sanitation have no right to prevent transportation of water (wastewater) through their water supply and (or) sewerage networks in order to provide hot water supply, cold water supply and (or) water disposal to subscribers, whose capital construction facilities are connected (technologically connected) to such networks. At the same time, the owner of such networks has no right to use them independently, but is obliged to enter into a contract with a specialized organization to operate the networks. However, to receive payment for the use of networks, the owner must register as an individual entrepreneur and wait for the establishment of the tariff for the use

12 Ссылка для цитирования: Пельвицкая Е. П. Некоторые особенности договора аренды водопроводной скважины, находящейся в частной собственности физического лица и необходимой для обеспечения устойчивого водопользования населенного пункта // Бизнес, менеджмент и право. 2021. № 4. С. 42–45.

13 For Reference: Elisaveta P. Pelvitskay. Some Peculiarities of Lease Agreement for a Water Well that is Privately Owned by an Individual and is Necessary to Ensure Sustainable Water Use of a Settlement // Business, management and law. 2021. № 4. P. 42–45.

of his economic networks, if the fee for use is not included in the tariff for water supply and sanitation services. The owner does not have the right to independently establish prices and terms of contract for the use of water and wastewater systems.

Keywords: utility infrastructure facilities, privatization of state and municipal property, lease agreement, payment for the use of utility infrastructure facilities

Правовые отношения отличаются динамичностью, т.к. их возникновение, изменение и прекращение связано с юридическими фактами т.е. порождаются определенными жизненными ситуациями и обстоятельствами.

Целью права является общее благо, представляющее собой состояние общества, при котором решения, регулирующие общественные отношения и затрагивающие неограниченный круг членов общества, имеют целью принести и приносят пользу для любого и каждого [1].

В настоящее время не редко возникают ситуации, когда физическое лицо обращается в суд о понуждении предприятия водопроводно-канализационного хозяйства к заключению с ним договора аренды водопроводной скважины и сетей, расположенных на его частном земельном участке и находящихся в его собственности, которые, в том числе, задействованы в водоснабжении объектов жилой, производственной и социальной инфраструктуры в населенном пункте. Основными вопросами в данном виде споров являются обоснование законности требований физического лица о понуждении водопроводно-канализационного предприятия к заключению с ним договора аренды артезианской скважины и сетей, а также об установлении арендной платы за пользование его имуществом в размере рыночной стоимости.

Начало приватизационных процессов в нашей стране 90-х годов прошлого столетия породило такую ситуацию, при которой физическое лицо могло в конечном счете стать собственником такого вида объектов. В последствии Федеральным законом Российской Федерации от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» [2], данная ситуация была более менее урегулирована. Так п. 6 ст. 28 указанного закона установлено, что при отчуждении земельных участков право собственности не переходит на объекты инженерной инфраструктуры, находящиеся в государственной или муниципальной собственности и не используемые исключительно для обеспечения объектов недвижимости, расположенных на указанных земельных участках. Но до принятия данной нормы явного запрета на приватизацию такого вида объектов не существовало.

Согласно п. 24 ст. 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ [3] объекты инженерной инфраструктуры входят в систему коммунальной инфраструктуры, под которой понимается комплекс технологически связанных между собой объектов и инженерных сооружений, предназначенных для осуществления поставок товаров и оказания услуг в сферах электро-, газо-, тепло-, водоснабжения и водоотведения до точек подключения (технологического присоединения) к инженерным системам электро-, газо-, тепло-, водоснабжения и водоотведения объектов капитального строительства, а также объекты, используемые для обработки, утилизации, обезвреживания, захоронения твердых коммунальных отходов. Основная функция этих объектов и квалифицирующий признак отнесения их к объектам инженерной инфраструктуры является обеспечение жизнедеятельности населенных пунктов. Правоприменительная практика по таким вопросам устойчиво сложилась и отражена во многих судебных актах, например, в Определении Конституционного Суда РФ от 28 марта 2017 г. № 488-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы администрации Балаковского муниципального района Саратовской области на нарушение конституционных прав и свобод положением пп. 1 п. 1 ст. 394 Налогового кодекса Российской Федерации», Определении № 301-КГ16-20969 Верховного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2017 г.

Публичным договором признается договор, заключенный коммерческой организацией и устанавливающий ее обязанности по продаже товаров, выполнению работ или оказанию услуг, которые такая организация по характеру своей деятельности должна осуществлять в отношении каждого, кто к ней обратится

В соответствии с п. 2 ст. 421 Гражданского кодекса Российской Федерации [4] (далее – ГК РФ) понуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена ГК РФ, законом или добровольно

принятым обязательством. Согласно п. 1, 3 ст. 426 ГК РФ публичным договором признается договор, заключенный коммерческой организацией и устанавливающий ее обязанности по продаже товаров, выполнению работ или оказанию услуг, которые такая организация по характеру своей деятельности должна осуществлять в отношении каждого, кто к ней обратится. При необоснованном уклонении коммерческой организации от заключения публичного договора применяются положения п. 4 ст. 445 ГК РФ, предусматривающие, что, если сторона, для которой в соответствии с ГК РФ или иными законами заключение договора обязательно, уклоняется от его заключения, другая сторона вправе обратиться в суд с требованием о понуждении заключить договор. Согласно п. 2 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 5 мая 1997 г. № 14 «Обзор практики разрешения споров, связанных с заключением, изменением и расторжением договоров» следует, что с иском о понуждении заключить публичный договор вправе обратиться только контрагент обязанной стороны.

Систему договоров в сфере водоснабжения и водоотведения регулирует Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении» [5] (далее – Федеральный закон № 416-ФЗ). В соответствии с ч. 3 ст. 11 Федерального закона № 416-ФЗ собственники и иные законные владельцы водопроводных и (или) канализационных сетей не вправе препятствовать транспортировке по их водопроводным и (или) канализационным сетям воды (сточных вод) в целях обеспечения горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения абонентов, объекты капитального строительства которых подключены (технологически присоединены) к таким сетям, а также до установления тарифов на транспортировку воды по таким водопроводным сетям и (или) на транспортировку сточных вод по таким канализационным сетям требовать возмещения затрат на эксплуатацию этих водопроводных и (или) канализационных сетей.

К договорам, обеспечивающим эксплуатацию систем водоснабжения и водоотведения, относится, в том числе договор об эксплуатации централизованных систем горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения. Положением ч. 2 ст. 8 Федерального закона № 416-ФЗ, физическое лицо, являющееся собственником централизованных систем горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения, обязано заключить договор с организацией, на основании которого организация будет осуществлять эксплуатацию указанных систем. Согласно основным понятиям, используемых в указанном законе организация, осуществляющая холодное водоснабжение и (или) водоотведение (организация водопроводно-канализационного хозяйства), – юридическое лицо, осуществляющее эксплуатацию централизованных систем холодного водоснабжения и (или) водоотведения, отдельных объектов таких систем. К организациям, осуществляющим холодное водоснабжение и (или) водоотведение (организациям водопроводно-канализационного хозяйства), приравниваются индивидуальные предприниматели, осуществляющие эксплуатацию централизованных систем холодного водоснабжения и (или) водоотведения, отдельных объектов таких систем (п. 15 ст. 2 Федерального закона № 416-ФЗ).

Таким образом, руководствуясь положениями указанных норм права следует, что обязанность по заключению договора возложена только на собственника централизованных систем водоснабжения и (или) водоотведения, в отношении же водопроводно-канализационного предприятия такой обязанности не устанавливается. Нежелание собственника водопроводной скважины и сетей, эксплуатация которых обеспечивает устойчивое водоснабжение населенного пункта, осуществить регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя в целях возможности установления тарифа на транспортировку воды по своим водопроводным сетям или заключить договор с любой эксплуатирующей организацией, не означает возникновение у последней обязанности по заключению договора на эксплуатацию сетей и по внесению платы за их использование по рыночной стоимости.

В отношении арендной платы в рассматриваемой ситуации, необходимо указать следующее. Пунктом 1 ст. 424 ГК РФ установлено, что в предусмотренных законом случаях для расчетов между сторонами за оказанные услуги применяются цены (тарифы, расценки, ставки и т.п.), устанавливаемые или регулируемые уполномоченными на то государственными органами.

В силу положений ст. 11, ч. 1 ст. 16, ч. 1 ст. 17 Федерального закона № 416-ФЗ, пп. 45, 46 Правил водоснабжения гарантирующая организация, осуществляющая холодное водоснабжение и водоотведение, должна заключить договор по транспортировке воды и сточных вод с организацией, осуществляющей эксплуатацию централизованных систем водоснабжения и водоотведения. Далее в силу ч. 3 ст. 11 указанного Федерального закона предусмотрено, что собственники и иные законные владельцы водопроводных и (или) канализационных сетей не вправе препятствовать транспортировке по их водопроводным и (или) канализационным сетям воды (сточных вод) в целях обеспечения горячего

водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения абонентов, объекты капитального строительства которых подключены (технологически присоединены) к таким сетям, а также до установления тарифов на транспортировку воды по таким водопроводным сетям и (или) на транспортировку сточных вод по таким канализационным сетям требовать возмещения затрат на эксплуатацию этих водопроводных и (или) канализационных сетей.

Таким образом, отношения по заключению договоров в сфере водоснабжения регулируются не только общегражданскими нормами, но и нормами специального закона, регулирующего данный вид деятельности, из анализа положений которых следует, что собственник объекта централизованного водоснабжения не вправе самостоятельно эксплуатировать данные сети, в связи, с чем в силу закона обязан заключить соответствующий договор с эксплуатирующей организацией, в отношении последней такой обязанности законом не установлено. Если затраты собственника на содержание и использование данных объектов не учтены при установлении тарифов на услуги водоснабжения и водоотведения, т.е. тарифы собственнику не устанавливались, следовательно, требование по внесению платы за использование сетей по рыночной стоимости незаконно и необоснованно. Не должно быть жонглирования в правом пространстве в тех ситуациях, когда требуется четко определить границы взаимодействия публичных образований, действующих в интересах неограниченного круга лиц, и интересов частного собственника земельного участка с находящимися на нем объектами коммунальной инфраструктуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дедов Д. И. Общее благо как система критериев правомерного регулирования экономики. М., 2003. С. 10–11.

2. Федеральный закон «О приватизации государственного и муниципального имущества» от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 4. Ст. 251.

3. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1. Ст. 16.

4. Гражданский Кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

5. Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7358.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пельвицкая Елизавета Петровна

(Россия, Екатеринбург), кандидат экономических наук, доцент кафедры земельного, экологического права и градостроительного права УрГЮУ, e-mail: pelwi@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6456-1454.

AUTHOR'S DETAILS

Elisaveta P. Pelvitskay

(Russia, Ekaterinburg), Candidate of Economic Sciences, Associated Professor of Land, Urban Planning and Environmental Law Department, Ural State Law University, e-mail: pelwi@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6456-1454.

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

УДК 349.6

Плата за обращение с твердыми коммунальными отходами: анализ проблемы перерасчета[14]

Дубовик Д. М.

Аннотация: Автор на основе анализа действующего законодательства и правоприменительной практики в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами (далее – ТКО) выявляет отдельную правовую проблему, возникающую при расчете/перерасчете платы за коммунальную услугу по обращению с ТКО, в том случае, если в жилом помещении никто не проживает либо временно отсутствует.

Обращаясь к вопросу начисления/перерасчету платы за обращение с ТКО большое внимание уделено раскрытию места и характера услуг по обращению с ТКО в структуре платы за коммунальные услуги.

Анализ нормативной базы показал, что на сегодняшний день собственник жилого помещения лишен возможности на соответствующий перерасчет при неоказании услуги по обращению с ТКО.

Рассматривая различную правоприменительную практику в области начисления платы за коммунальную услугу по обращению с ТКО, автор приходит к выводу, что на сегодняшний день, существует большое количество неразрешенных вопросов, в том числе имеется неопределенность при разрешении споров, связанных с начислением/перерасчетом платы за рассматриваемую коммунальную услугу, в том случае, если в жилом помещении никто не проживает или временно отсутствует.

Ключевые слова: коммунальная услуга, твердые коммунальные отходы, обращение, объем, плата, перерасчет

Charge for Municipal Solid Waste Management: Analyze of Recalculation Problem[15]

Abstract: On the basis of the current legislation and law enforcement practice in the field of municipal solid waste management, the author identifies a separate legal problem arising when calculating / recalculating payments for community facilities for municipal solid waste management, if nobody lives in the premise or is temporarily absent.

Turning to the issue of charging / recalculating payments for municipal solid waste management, much attention is paid to disclosing the place and nature of services for municipal solid waste management in the structure of payments for community facilities.

The analysis of the regulatory framework showed that today the owner of the residential premises is deprived of the opportunity for the appropriate recalculation in case of failure to provide services for the management of municipal waste management.

Considering various law enforcement practices in the field of charging community facilities for the management of municipal solid waste, the author concludes that today, there are a large number of unresolved issues, including uncertainty in resolving disputes related to the calculation / recalculation of payments for the community facilities in the event that no one lives in the premise or is temporarily absent.

Keywords: community facilities, municipal solid waste, treatment, volume, accumulation standard, payment, recalculating

Прошло уже более трех лет с момента, когда в России начали действовать результаты реформы в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами (далее – ТКО), но до сих выявляются многочисленные правовые проблемы, связанные с обращение с ТКО, в том числе вопросы начисления платы за обозначенную коммунальную услугу. Как справедливо отмечает Т. М. Звездина, такое количество правовых проблемы в сфере обращения с ТКО связано с несовершенством правового регулирования в данной сфере [1].

14 Ссылка для цитирования: Дубовик Д. М. Плата за обращение с твердыми коммунальными отходами: анализ проблемы перерасчета // Бизнес, менеджмент и право. 2021. № 4. С. 46–51.

15 For Reference: Dmitryi M. Dubovik. Charge for Municipal Solid Waste Management: Analyze of Recalculation Problem // Business, management and law. 2021. № 4. P. 46–51.

С момента начала мусорной реформы кардинальным образом изменился подход к осуществлению указанной деятельности, а также пересмотрен вопрос о правовом регулировании коммунальной услуги по обращению с ТКО.

Несмотря на имеющуюся положительную динамику в нормативном регулировании вопроса, связанного с обращением ТКО, в правоприменительной практике до сих пор остается большое количество неразрешенных вопросов, в том числе имеется неопределенность в спорах, связанных с начислением/перерасчетом платы за рассматриваемую коммунальную услугу, в том случае, если в жилом помещении никто не проживает или временно отсутствует.

В рамках статьи предлагается проанализировать проблему, связанную с начислением/перерасчетом платы за коммунальную услугу по обращению с ТКО, в том случае, если в жилом помещении никто не проживает или временно отсутствует, дать оценку действующему нормативно-правовому регулированию и существующей правоприменительной практике, а также попытаться предложить способы решения обозначенной проблемы.

В соответствии с ч. 4 ст. 154 Жилищного кодекса РФ (далее – ЖК РФ) [2] в структуру платы за коммунальные услуги помимо платы за холодную воду, горячую воду, электрическую энергию, тепловую энергию, газ, бытовой газ в баллонах, твердое топливо при наличии печного отопления, плату за отведение сточных вод входят услуги по обращению с твердыми коммунальными отходами.

Статьей 1 Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» [3] (далее – ФЗ «Об отходах производства и потребления») определены понятия: «твердые коммунальные отходы» – отходы, образующиеся в жилых помещениях в процессе потребления физическими лицами, а также товары, утратившие свои потребительские свойства в процессе их использования физическими лицами в жилых помещениях в целях удовлетворения личных и бытовых нужд, и «обращение с отходами» – деятельность по сбору, накоплению, транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию, размещению отходов.

Напротив, в силу ч. 5 ст. 30 ЖК РФ, под коммунальной услугой в сфере обращения с ТКО понимается деятельность, связанная с транспортированием, обезвреживанием, захоронением твердых коммунальных отходов. Сбор и накопление ТКО, с точки зрения жилищного законодательства, не входит в вышеобозначенную деятельность.

Подробная регламентация и раскрытие каждого вида коммунальной услуги отражена в п. 4 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354 (далее – Правила № 354) [4].

Согласно п. 4 Правил № 354 в состав коммунальной услуги «обращение с твердыми коммунальными отходами» входит только транспортирование, обезвреживание, захоронение твердых коммунальных отходов, образующихся в многоквартирных домах и жилых домах.

В состав коммунальной услуги «обращение с твердыми коммунальными отходами» входит только транспортирование, обезвреживание, захоронение твердых коммунальных отходов, образующихся в многоквартирных домах и жилых домах

Как отмечает И. Н. Харинов коммунальные услуги являются публичными услугами, обеспечение которыми имеет публичное значение и гарантируется государством.

Целью предоставления этих услуг является удовлетворение интересов частных лиц в получении «неадминистративного» блага. По содержанию предоставление услуг является формой реализации функций органов публичной администрации с одним важным уточнением: органы публичной администрации выполняют роль организаторов (гарантов, регуляторов) предоставления публичных услуг.

Субъектами, непосредственно предоставляющими иные публичные услуги, являются уполномоченные в рамках особого юридического механизма подведомственные органам власти организации, иные организации с особым статусом, а также частные организации; услуги предоставляются в рамках правоотношений с уполномоченными поставщиками, при этом для такого взаимодействия не характерна строгая административно-процедурная регламентация; поставщики услуг находятся в постоянных правоотношениях с органами публичной администрации, и для такого взаимодействия характерна строгая административно-процедурная регламентация; интересы получателей услуг обеспечены полной судебной защитой и, как

правило, ускоренной внесудебной защитой; услуги, как правило, предоставляются получателям за плату в пользу поставщика, причем государство обычно полностью или частично финансирует соответствующую деятельность [5].

Цена оказываемых услуг по обращению с твердыми бытовыми отходами согласно ст. 5, 24.9 ФЗ «Об отходах производства и потребления», Постановлением Правительства РФ от 30 мая 2016 г. № 484 «О ценообразовании в области обращения с твердыми бытовыми отходами», Правил № 354 определяется императивным путем на основании тарифа, определяемого индивидуально в каждом регионе (субъекте Российской Федерации). Так, в г. Екатеринбурге такой тариф определяется Региональной энергетической комиссией Свердловской области и составляет 597 руб. 35 коп. за кубометр [6].

В конечном итоге стоимость оказываемой услуги зависит от площади жилого помещения, количества собственников и норматива потребления.

На наш взгляд, сам по себе механизм определения взимаемой платы за предположительно оказываемые услуги населению предложен исходя из особенностей такого вида услуг и субъектов, кому они оказываются, поскольку такая плата взимается, в-первую очередь, с собственников жилого помещения, что обусловлено наличием бремени содержания принадлежащего гражданину имущества в силу ст. 210 ГК РФ, а также непрерывным характером коммунальных услуг, т.е. оплата их предоставления происходит независимо от того, потребляются ли они реально. О непрерывном характере предоставления коммунальных услуг также справедливо отмечает Я. А. Ключникова [7].

Такое свойство коммунальных услуг нашло свое отражение в ч. 11 ст. 155 ЖК РФ, согласно которой неиспользование жилого помещения не является основанием для невнесения платы за коммунальные услуги.

Ввиду невозможности определения объема индивидуального потребления данного вида коммунальной услуги размер платы за коммунальную услугу по обращению с ТКО рассчитывается исходя из числа постоянно проживающих и временно проживающих потребителей в жилом помещении, а при отсутствии информации о таковых – с учетом количества собственников жилого помещения.

Кроме того, указанная особенность коммунальных услуг отражена также в п. 37 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 22 «О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договору социального найма или принадлежащего им на праве собственности», согласно которого временное неиспользование нанимателями, собственниками и иными лицами помещений не является основанием для освобождения их от обязанности по внесению платы за содержание жилого помещения, за пользование жилым помещением (платы за наем), платы за отопление, а также за коммунальные услуги, предоставленные на общедомовые нужды, взносов на капитальный ремонт.

Исходя из системного толкования вышеуказанных норм и целеполагания законодателя, плата за рассматриваемую коммунальную услугу взимается как за постоянную непрерывную деятельность по обращению с твердыми коммунальными отходами, а не периодически возникающую и зависящую от результата жизнедеятельности физических лиц.

Согласно п. 148(34) Правил № 354 размер платы за коммунальную услугу по обращению с ТКО рассчитывается, исходя из числа постоянно проживающих и временно проживающих потребителей в жилом помещении.

Потребитель считается временно проживающим в жилом помещении, если он фактически проживает в этом жилом помещении более 5 дней подряд.

При существующем правовом регулировании собственник, имеющий несколько жилых помещений, обязан платить за оказываемые услуги по обращению с ТКО за каждое жилое помещение, постоянно проживая в одном таком жилом помещении, либо не проживая вообще ни в одном из них.

В итоге получается, что в силу законодательного указания именно собственник обязан нести бремя содержания принадлежащего ему имущества, в том числе оплачивать коммунальные услуги, куда входят и услуги по обращения с ТКО.

Вместе с тем, в целях соблюдения баланса интересов потребителей и лиц, оказывающих коммунальные услуги, ч. 11 ст. 155 ЖК РФ предусмотрено право граждан на перерасчет платежей по коммунальным услугам, который производится в порядке и в случаях, утверждаемых Правительством Российской Федерации.

Учитывая, что обращение с ТКО относится к коммунальной услуге, то при временном отсутствии граждан, размер платежа за обозначенную услугу подлежит перерасчету.

Указанное правомочие граждан закреплено в п. 148 (24) Правил № 354, согласно которому потребитель коммунальной услуги по обращению с твердыми коммунальными отходами имеет право, в том числе требовать изменения размера платы за коммунальную услугу по обращению с твердыми коммунальными отходами

за период временного отсутствия потребителя в занимаемом жилом помещении.

В силу п. 148 (22) Правил № 354 исполнитель коммунальной услуги по обращению с ТКО обязан производить расчет размера платы за предоставленную коммунальную услугу по обращению с ТКО и при наличии оснований производить перерасчет размера платы за указанную коммунальную услугу, в том числе за период временного отсутствия потребителя в занимаемом жилом помещении.

В соответствии с п. 148 (44) Правил № 354 при временном, то есть более 5 полных календарных дней подряд, отсутствии потребителя в жилом помещении осуществляется перерасчет размера платы за коммунальную услугу по обращению с ТКО в порядке, предусмотренном разделом VIII настоящих Правил.

При этом выше обозначенным разделом Правил № 354 определяется порядок действий субъектов, претендующих на перерасчет и тех, кто непосредственно его осуществляет, то есть такие правила имеют не правонаделительный характер, а процедурно-формальный – в большей части идет речь о сроках обращения, необходимых документах, порядке рассмотрения обращения и т.д.

Само по себе право на соответствующий перерасчет возникает из общих начал гражданских правоотношений, квалифицирующим признаком которых выступает равноценность обмениваемых благ (услуга-плата), поэтому определяющими элементами этих отношений являются возмездность и эквивалентность встречного предоставления.

При этом с точки зрения реализации права на перерасчет факт неоказания коммунальной услуги по обращению с ТКО вполне может доказываться путем предоставления данных об оказании услуг в отношении тех услуг, объем оказания, которых подлежит учету. Иными словами, собственник может представлять косвенные доказательства того, что ему были произведены перерасчеты за водоотведение, потребление электроэнергии и иные коммунальные услуги в связи с его фактическим отсутствием в жилом помещении, тем самым косвенно доказывая, что и услуги по обращению с ТКО собственнику оказаны не были по причине его постоянного отсутствия.

Таким образом, не вызывает сомнений тезис о том, что перерасчет размера платы за коммунальную услугу по обращению с ТКО возможен в случае временного отсутствия (то есть более 5 полных календарных дней подряд) проживающего (постоянно или временно) в жилом помещении потребителя, подтвержденного в установленном порядке.

При этом, согласно п. 2 Правил № 354 к потребителю коммунальных услуг, в первую очередь, относится собственник помещения в многоквартирном доме, жилого дома, домовладения, а уже потом лицо, пользующееся на ином законном основании помещением в многоквартирном доме, жилым домом, домовладением.

Несмотря на, казалось бы, логичный вывод о праве собственника жилого помещения на перерасчет платы за коммунальную услугу в сфере обращения с ТКО и существующий механизм перерасчета такой платы в правоприменительной практике возникла неопределенность в вопросе является ли неиспользование физическим лицом жилого помещения основанием для освобождения/перерасчета платы за коммунальную услугу по обращению с ТКО.

Так, в решении Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 23 мая 2018 г. № АКПИ18-238, оставленном без изменения апелляционным определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 11 сентября 2018 г., и в решении Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 26 февраля 2020 г. № АКПИ19-967, Верховный Суд РФ проводит разграничение между понятиями «непроживание в жилом помещении» и «временное отсутствие потребителя», в которых указывается на то, что собственник жилого помещения даже при временном отсутствии обязан вносить плату за коммунальную услугу по обращению с ТКО (п. 148 (36) Правил № 354).

Указанный подход нашел свое отражение в том числе в постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 20 августа 2020 г. по делу № А07-25804/2019, которым отменены решение Арбитражного суда Республики Башкортостан от 23 декабря 2019 г. и постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20 марта 2020 г., и удовлетворено заявление ООО «Экология Т» о признании незаконным представления Белебеевского межрайонного прокурора об устранении нарушений в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

Отменяя принятые судебные акты, арбитражный суд кассационной инстанции указал, что неиспользование жилого помещения (непроживание в данном помещении) не тождественно понятию «временное отсутствие потребителя», применяемому в Правилах № 354 для проведения соответствующего перерасчета и не является основанием для освобождения собственника жилого помещения от оплаты соответствующей коммунальной услуги, в частности услуги по обращению с ТКО.

Существующий правоприменительный подход к рассматриваемому вопросу представляется неверным, поскольку при таких обстоятельствах собственник жилого

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

помещения, являясь потребителем коммунальной услуги по обращению с ТКО, лишен возможности претендовать на предусмотренное ЖК РФ право на соответствующий перерасчет.

В приведенной судебной практики судами делается акцент на то, что предусмотренный порядок перерасчета коммунальной услуги по обращению с ТКО может быть реализован при доказанности факта не проживания в жилом помещении более 5 календарных дней (временное отсутствие), при этом титул на основании которого лицо пользуется жилым помещением (собственность, найм) не имеет значения

В противовес обозначенной правовой позиции Верховного Суда РФ и судебной практики, существует иной противоположный вывод, согласно которому при предоставлении документов, свидетельствующих о временном отсутствии потребителя коммунальной услуги по обращению с ТКО, плата за указанную услугу подлежит перерасчету [8–11].

В приведенной судебной практики судами делается акцент на то, что предусмотренный порядок перерасчета коммунальной услуги по обращению с ТКО может быть реализован при доказанности факта не проживания в жилом помещении более 5 календарных дней (временное отсутствие), при этом титул на основании которого лицо пользуется жилым помещением (собственность, найм) не имеет значения.

На наш взгляд, рассматривать различия, созданные Верховным Судом РФ, в понятиях «непроживание в жилом помещении» и «временное отсутствие потребителя», с точки зрения правового результата, при доказанности этого факта, не имеет никакого смысла, поскольку в обоих случаях потребитель не пользуется коммунальной услугой по обращению с ТКО, в связи с чем проводимая разница в указанных понятиях является юридической казуистикой, что негативно сказывается на толковании существующих правовых норм, регулирующих вопросы платы за коммунальную услугу по обращению с ТКО.

Иной подход в применении существующих правовых норм приводит к нарушению прав и законных интересов собственников жилых помещений, связанных с получение коммунальной услуги по обращению с ТКО.

Таким образом, существующее нормативно-правовое регулирование по вопросам платы за коммунальную услугу по обращению с ТКО, допускающее различное правоприменение, на наш взгляд, ставит в неравные условия граждан, являющихся собственниками жилых помещений, и иную категорию лиц, пользующихся жилым помещением, лишает их права на обоснованный перерасчет в связи с их временным отсутствием.

С учетом обозначенной позиции по исследуемому вопросу, во избежание правовой неопределенности и противоречий в правоприменительной практике представляется необходимым внести изменения в п. 148 (36) Правил № 354 и дополнить его следующим содержанием:

«При предоставлении документов, свидетельствующих о непроживании собственника в жилом помещении, размер платы по обращению с ТКО подлежит перерасчету в соответствии с разделом VIII Правил № 354».

Указанное изменение позволит обосновано и справедливо производить перерасчет платы за коммунальную услугу по обращению с ТКО собственникам жилого помещения, исключит иной правоприменительный подход и снимет искусственно созданную правовую неопределенность в рассматриваемом вопросе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Звездина Т. М. Некоторые проблемы правового регулирования обращения с твердыми коммунальными отходами // Юрист. 2019. № 11. С. 66–71.

2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. №188-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1. Ст. 14.

3. Федеральный закон от 24 июня 1998 г. «Об отходах производства и потребления» № 89-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 26. Ст. 3009.

4. Постановление Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 22. Ст. 3168.

5. Харинов И. Н. Предоставление публичных услуг и защита прав их получателей: административно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук, 12.00.14. Екатеринбург. 2019.

6. Постановление Региональной энергетической комиссии Свердловской области от 16.12.2020 г. № 234-ПК «О внесении изменений в отдельные постановления Региональной энергетической комиссии Свердловской области об установлении тарифов в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/6601202012230001 (дата обращения: 08.09.2021).

7. Ключникова Я. А. Правовое регулирование социального обслуживания и социальной поддержки граждан в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 6. С. 75–79.

8. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 17.11.2020 г. по делу № А43-52925/2019 // СПС «Консультант Плюс».

9. Апелляционное определение Пензенского областного суда от 12.05.2020 г. по делу № 33-1201 // СПС «Консультант Плюс».

10. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 17.06.2020 г. по делу № 33-7382/2020 // СПС «Консультант Плюс».

11. Апелляционное определение Озерского городского суда от 23.04.2021 г. № 11-27/2021 // СПС «Консультант Плюс».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дубовик Дмитрий Михайлович

(Россия, Екатеринбург), ассистент кафедры земельного, градостроительного и экологического права Уральского государственного юридического университета, email: dubovikgr@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7240-6630.

AUTHOR'S DETAILS

Dmitriy M. Dubovik

(Russia, Ekaterinburg), Assistant of Land, Urban Planning and Environmental Law Departmen, Ural State Law University, email: dubovikgr@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7240-6630.

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

УДК 339.97

Национальная энергетическая безопасность: новые возможности и угрозы[16]

Дьячкова А. В., Контобойцева А. Е.

Аннотация: В настоящее время вопрос обеспечения эффективной национальной системы энергетической безопасности особенно актуален ввиду дестабилизированной глобальной пандемией ситуации на рынке энергоресурсов, в частности – нефтепродуктов. Под влиянием современных трендов мировой рынок топлива и энергетических ресурсов трансформируется, и необходимость изменения энергетической политики коснулась многих национальных экономик. В результате проведенного эмпирического анализа выявлено влияние внешнеэкономических факторов энергетической безопасности на экономику государства в целом; подтвердилось наличие различий во влиянии внешнеэкономических факторов на добывающие и потребляющие страны; ключевые внешнеэкономические факторы энергетической безопасности в потребляющих и добывающих стран идентичны: цена, доля экспорта, объем потребления, но имеют противоположные смысловые значения, а именно, что является положительным воздействием для одних, имеет отрицательное воздействие для других.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, национальная энергетическая безопасность, страны-экспортеры нефти, страны-импортеры нефти

National Energy Security: New Opportunities and Threats[17]

Diachkova A. V., Kontoboitseva A. E.

Abstract: At present, the issue of ensuring an effective national energy security system is especially relevant in view of the destabilized global pandemic situation in the energy market, in particular, oil products. Under the influence of modern trends, the global market for fuel and energy resources is transforming, and the need to change the energy policy has affected many national economies. As a result of the empirical analysis, the influence of external economic factors of energy security on the economy of the state as a whole was revealed; the presence of differences in the influence of external economic factors on producing and consuming countries was confirmed; the key external economic factors of energy security in consuming and producing countries are found identical: the price, the share of exports, the volume of consumption, but they have opposite semantic meanings, namely, what is a positive impact for some has a negative impact on others.

Keywords: energy security, national energy security, oil exporting countries, oil importing countries

Today, the issue of ensuring an effective national energy security system is especially urgent in view of the destabilized global energy market, in particular oil products, by the global pandemic. The increase in energy consumption over the past decade in developing countries has not only increased global energy consumption indicators, but has also seriously changed international energy trade, complicating trade relations and increasing the volume of traded resources.

It should be noted that economic science emphasizes the contradictory nature of the concept of energy security, as it lies in an area that overlaps politics, economics, technical and environmental aspects, as well as legal aspects governing the circulation and transmission of energy.

The International Energy Agency (IEA) defines energy security as the uninterrupted availability of energy sources at an affordable price. Energy security has a wide range

16 Ссылка для цитирования: Дьячкова А. В., Контобойцева А. Е. Национальная энергетическая безопасность: новые возможности и угрозы // Бизнес, менеджмент и право. 2021. № 4. С. 52–59.

17 For reference: Diachkova A. V., Kontoboitseva A. E. National Energy Security: New Opportunities and Threats // Business, management and law. 2021. № 4. P. 52–59.

of aspects: long-term energy security is mainly related to timely investments in energy supply in accordance with economic development and environmental needs, while short-term energy security focuses on the ability of the energy system to respond quickly to sudden changes in the balance of supply and demand [1].

The traditional understanding of energy security is defined as a state in which, on the one hand, through energy policy measures provides uninterrupted access to energy resources for the population and economic agents and, on the other hand, guarantees the reliability of energy supplies to the markets of interested countries [2, p. 9]. Disruptions in energy systems can lead to serious consequences, limiting economic and social development.

Thus, modern energy systems must withstand shocks from a wide range of threat sources, including natural disasters, geopolitical conflicts, and the ever-emerging new cyber threats associated with the ongoing digitalization of energy systems.

One of the most comprehensive initiatives in the interpretation of the concept of energy security goes back to the Asia-Pacific Energy Research Center, which defined energy security in its published report in 2007 as "the ability of the economy to guarantee the availability of energy supplies in a sustainable and timely manner, when the price of energy is at a level that will not have a negative impact on national economic performance" [3, p. 16]. According to this definition, there are five factors that affect the security of energy supply, namely:

– the availability of sufficient fuel reserves from both domestic and external sources;

– ability of the economy to attract supply to meet the expected energy demand;

– the level of diversification of the economy's energy resources and energy suppliers;

– access to fuel resources through other availability of energy and energy transportation infrastructure;

– geopolitical issues associated with the resource acquisition process.

A new aspect of energy security is being added: environmental sustainability, aimed at reducing greenhouse gas (GHG) emissions; the contribution of local, regional, and global systems to environmental quality; and the protection of ecosystems from the impacts of climate change.

In 2014, the focus shifted from security of supply to security of demand, leading to a significant redefinition of the concept of energy security, now understood as "the equitable provision of affordable, accessible, reliable, efficient, environmentally sound, actively managed and socially acceptable energy services to end users" [4, p. 6].

In addition, a central definition of energy security has been provided by D. Jewell, A. Cherp et al. According to their conclusions, energy security is the low vulnerability of vital energy systems [5, p. 17].

Energy security is defined as the state of protection of individual citizens, society and the economy as a whole from threats to reliable fuel and energy supply

According to World Bank experts, energy security is "to enable countries to produce and use energy sustainably at a reasonable cost to promote economic growth, as well as to improve the quality of people's lives by increasing access to modern energy services" [6]. It is worth noting that the World Bank's vision of energy security is directly related to the time factor. Accordingly, there is a differentiation of energy security requirements into long-term and short-term. Long-term energy security requirements are expressed in terms of the ability to meet the growing demand for energy, for example, by ensuring the long-term supply of oil and maximizing the ability to absorb carbon emissions. Short-term energy needs, on the other hand, include the state's ability to cope with the negative economic and market effects caused by fluctuating oil prices.

Let us add that, according to many Russian researchers, energy security is defined as the state of protection of individual citizens, society and the economy as a whole from threats to reliable fuel and energy supply. Energy security is considered in our work as a factor affecting the country's economy as a whole [7; 8, p. 18].

In this paper, the division will be made into producing countries (exporting countries) and consuming countries (importing countries), the leading countries in production and consumption in the energy sector are taken as an object of empirical research.

Europe is a major energy importing region. For example, Italy is only allowed to import gas from non-EU countries when the storage capacity is equivalent to at least 10 percent of the volume imported annually. Similarly, in Spain, gas transmission companies and traders must not import more than 60 percent of their natural gas from one country. However, as a regional economic integration organization, the European Union (EU) has been increasingly involved in energy security, especially since the 2000s. While Europe as a whole shares U.S. concerns about increasing energy imports, the EU does not necessarily seek to

maximize energy self-sufficiency and rather emphasizes diversification of supply sources.

China, calling for a safe, stable, economical and clean modern energy industry, stresses in the 12th Five-Year Plan the need to develop a series of large-scale energy expansion projects in fossil fuels, nuclear energy and renewable energy to meet rapidly growing demand, emphasizing domestic supply expansion and energy efficiency. The document calls for a new concept of energy security with mutually beneficial (international) cooperation.

As in China, India's dependence on imports is growing rapidly in direct proportion to energy demand. India's 12th Five-Year Plan states that "energy security involves ensuring an uninterrupted supply of energy to support the economic and commercial activities necessary for sustainable economic growth", and expresses concern about growing import dependence. As a countermeasure, it proposes increasing domestic coal production, by creating a sector for private companies, as well as expanding renewable energy opportunities. The importance of universal access to modern energy, especially electricity, is emphasized, and provision is made for the supply of electricity to all households in the country during its period of operation [9, p. 12].

Looking at South America, it should be noted that Brazil is another country whose energy demand and imports are growing. The Brazilian government is concerned about energy security of supply, as energy security to meet demand at reasonable prices and universal access to energy are part of the goals of its ten-year plan. Thanks to the Luz Para Todos (Light for All) program since 2003, access to electricity is now virtually universal throughout the country. Like the U.S., Brazil could become a net exporter of oil and gas. The IEA predicts that Brazil will become a net oil exporter after 2019 and a net gas exporter around 2030 because of large-scale discoveries. If this is true, Brazil's concerns about energy security may be alleviated in the future [10]. Let us present the basic concepts of energy security (Figures 1, 2).

The main tools to achieve these goals are:

– strategically aligned political and economic relations with exporting countries;

– creation of reserve fuel and energy storage facilities;

– proper analysis of the international energy market;

– creation of a state strategy of energy security, taking into account all external factors;

– concluding contracts in other sectors of the economy with exporting countries.

Among exporting countries, Russia is the most vocal advocate of energy demand security. The main document of the Moscow Energy Policy "Energy Strategy to 2030" considers energy security as one of the main strategic benchmarks. The Russian government recognizes the security of domestic and international demand in terms of energy security issues. As for international energy security of demand, the Strategy calls for stable relations with traditional and new consumers of Russian energy resources.

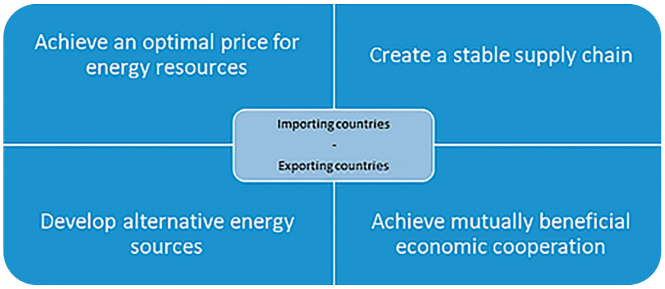


Figure 1. Dialectics of energy security concepts Importing countries in relation to oil-exporting countries

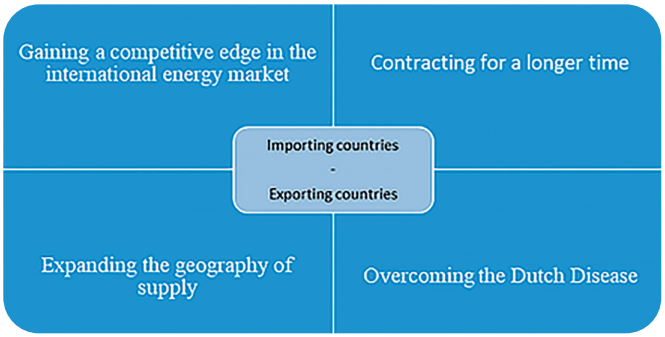


Figure 2. Dialectics of energy security concepts of exporting countries in relation to importing countries

The main tools for achieving these goals are:

– strategically aligned economic and political relations with importing countries;

– development of other sectors of the national economy in order to avoid the "Dutch disease";

– stabilization of energy prices by reducing or increasing production;

– creation of national political and economic institutions for energy security;

– attracting foreign investment in the energy sector.

In this study, the oil and gas industry is of interest, and in order to highlight the external economic factors of energy security, let's make a SWOT-analysis (Table 1, 2).

Table 1

SWOT ANALYSIS of the oil and gas industry for producing countries

Strengths	Weaknesses
1. High supply of stocks. 2. Increasing the country's investment appeal (attracting investment in the energy sector). 3. High level of transparency and corporate social culture (in developed countries). 4. Stable state revenues from oil and gas sales. 5. High political and economic influence in the region	1. Dependence of the country's GDP on the industry. 2. Dependence of the national currency on the volatility of the price of the resource. 3. High cost of production. 4. Limited capacity in production. 5. High competition on the world oil market between state (national) and international (private) oil companies. 6. Inelastic demand for oil and gas
Opportunities	**Threats**
1. Improving the welfare of the citizens of the state. 2. Development of new fields. 3. Development of new technologies for energy production. 4. Development of new ways of oil and gas delivery. 5. Improvement of infrastructure provision, at the expense of revenues from oil and gas sales	1. Economic crises. 2. Development of alternative energy sources in the world. 3. The "Dutch disease" and the "resource curse". 4. Depletion of oil and gas reserves. 5. Trade wars. 6. Falling energy prices from external non-economic factors. 7. Foreign trade barriers

Table 2

SWOT analysis of the oil and gas industry for consuming countries

Strengths	Weaknesses
1. No environmental pollution from oil and gas production. 2. Development of other sectors of the national economy. 3. No "Dutch disease" and resource curse	1. Low level of reserve endowment. 2. Economic and energy dependence on producing countries (dependence on oil and gas prices). 3. Political influence from producing countries
Opportunities	**Threats**
1. Proposals for mutually beneficial cooperation in the energy sector. 2. Proposal of mutually beneficial cooperation in other spheres of economy. 3. Discount on oil and gas in case of long-term cooperation. 4. Development of alternative energy sources	1. The need for loans and borrowing from other countries to buy oil and gas. 2. Political conflict with importing countries. 3. Increase in external public debt. 4. Economic crises and trade wars

We can presumably identify key external economic factors of energy security of producing countries, namely: the volatility of oil and gas prices; inelasticity of demand on the international energy market; inelasticity of supply on the international energy market; popularization of alternative energy sources.

Based on the SWOT-analysis of the oil and gas industry for consuming countries, we can identify key foreign economic factors of energy security of producing countries, namely: the volatility of oil and gas prices; foreign trade barriers; the development of alternative energy sources.

Based on the information obtained by SWOT-analysis, we identify the following external economic factors of energy security: price volatility; inelasticity of demand; inelasticity of supply; foreign trade barriers; development of alternative energy sources.

Almost every oil-producing country supplies several grades of oil to the world market. The chemical composition, lightness, and heaviness of oil vary from well to well, and standard grades of oil have been invented to simplify exports. Each exporting country enters the international market with its own brand of oil, and depending on the price of that brand, the supply and demand for the particular product presented changes [11, 12]. At the same time, the importing countries closely monitor the prices for different types of oil brands, as it is economically advantageous for them to buy the resource at a lower price, which in turn affects the demand for oil in the international market. For

consuming countries, the situation is as follows: international conflicts entail economic sanctions for oil exporting countries, they are forced out of the international market and, since they are limited in their ability to trade oil, the situation leads to a decrease in the production of raw materials and to the deterioration of the economy of the country as a whole.

Foreign trade barriers hinder economic growth, reduce profits, and increase the transaction costs of a given industry

By accepting membership in different economic commonwealths, alliances and associations, importing countries are forced to adhere to a single policy in cases of sanctions against the exporting country, which leads to a reduction in the purchase of crude oil from that country.

Foreign trade barriers hinder economic growth, reduce profits, and increase the transaction costs of a given industry.

Regarding the factor of the development of alternative energy sources, we can conclude that at this time it is not very significant, because the power of alternative energy sources is not enough to replace the oil and gas industry [13].

The empirical analysis is based on testing the following hypotheses: volatility in the price of crude oil has an impact on the country's GDP; inelasticity of supply for crude oil has an impact on GDP; inelasticity of demand for crude oil has an impact on GDP; foreign trade barriers have an impact on GDP.

All hypotheses will be tested on the whole population. The empirical models will take into account a group of countries, namely producing and consuming countries, to identify differences.

The relationship between inelasticity of supply of petroleum products and GDP is revealed by the following independent variables: the share of crude oil exports in total state exports and the volume of crude oil production. The relationship between inelasticity of supply of petroleum products and GDP is represented by the volume of consumption of crude oil in the country.

The share of profit from the sale of oil resources in the total net income of the state is related to the possibility of overcoming foreign trade barriers by increasing the investment attractiveness of the state, as the profit received is reinvested to improve the state infrastructure, increase the welfare of its citizens, and also allows expanding the scope of cooperation in international projects in the energy sphere.

Based on the hypotheses formulated and the variables selected, let's make an equation:

$$logGDP_{it} = \beta_0 + \beta_1 Price_{it} + \beta_2 Export_{it} + \\ + \beta_3 logProduction_{it} + \beta_4 logConsumption_{it} + \\ + \beta_5 Percent_{it} + \beta_6 Type_i + u_{it},\ i = 1, 2, ..., N,\ t = \\ = 2015, 2016, 2017, 2018. \quad (1)$$

All vectors and variables have an index *it*, showing that this information is measured for each country *i* at time *t*. In equation (1) β_0 is an unknown scalar quantity, β_1, β_2, ..., β_5 are unknown coefficients; uit is a random variable. The control variable denoting whether the state belongs to the producing or consuming state does not have an index *t*, since it is invariable for the period of model construction. Table 3 provides a description of each variable and its main characteristics.

According to the table above, the model includes a total of 7 variables, of which one is dependent, 5 are independent and one is a control. Six variables are continuous and take specific values depending on a certain numerical interval. The control variable is computed in a binary system and takes values from zero to one, being a dummy variable.

Based on the hypotheses and selected variables, a sample was formed [14–20], which includes the largest 35 countries-oil exporters/importers. The sample covers the period from 2015 to 2018. A total of 140 observations were obtained, which formed the basis of the study.

In order to identify the best model, a number of tests were conducted to confirm the choice of the regression model with random effects as the most representative of the econometric models obtained. The Breusch-Pagan test revealed that the random-effects regression model is better suited to describe the data than the simple regression model. The Hausman test showed that the random-effects regression model is superior to the fixed-effects regression model.

Thus, the final econometric model has the following form:

$$logGDP_{it} = 4{,}848405 - 0{,}000795 \times Price_{it} + \\ + 0{,}005119 \times Export_{it} + 0{,}014789 \times \\ \times logProduction_{it} + 0{,}942365 \times \\ \times logConsumption_{it} - 0{,}020806 \times Percent_{it} - \\ - 0{,}81113\ Type_i + u_{it},\ i = 1, 2, ..., N, \\ t = 2015, 2016, 2017, 2018. \quad (2)$$

A description of the chosen econometric model and the direction of the influence of the variables on extractive and consuming countries is given in Table 4.

Table 3

Description of variables for the econometric study

Variable	Character	Description
Dependent variable		
logGDP	Continuous, units	Variable measured as the natural logarithm of gross domestic product
Independent variables		
Price	Continuous, U.S. dollars per barrel	Average annual price of crude oil
Export	Continuous, Percentages	Share of exports of oil resources in total exports of the state
logProduction	Continuous, millions of barrels	Crude oil production per year
logConsumption	Continuous, million barrels	Consumption of crude oil for the year
Percent	Continuous, Percentages	Share of profit from the sale of oil resources in the total net income of the state
Control variable		
Type	Dammy variable	A binary variable characterizing the type of state with respect to its position on the energy market. Its value is equal to 1 if the country is a producer, and equal to 0 if the country is a consumer

Table 4

Interpretation of the model in relation to consuming and producing countries

Independent variable	Characteristic for consuming countries	Characteristic for extractive countries
Price	Positive impact: savings at a low cost per resource	Negative impact: Risk of losing the consumer when the price is high (consumer switching to another oil exporting country)
Export	Negative impact: little or no export of the resource	Positive impact: stable level of resource exports
logConsumption	Negative impact: consumption depends on the ability to purchase the resource	Positive impact: resource endowment helps meet both domestic and foreign demand
Percent	Positive impact: no resource dependence	Negative impact: dependence of the country's economy on the possibility of selling the resource
Type	Positive impact: the development of various spheres of production	Negative influence: the "Dutch disease" and the resource curse

Thus, all hypotheses were confirmed, the impact of foreign economic factors of energy security on the economy of the state as a whole was proved; the control variable Type confirmed the existence of differences in the influence of foreign economic factors on extractive and consuming countries.

Based on the results of the study, we can conclude that the external economic factors of energy security in consuming and producing countries are identical, but have opposite meanings, namely, what is a positive impact for some, has a negative impact for others.

New energy exporters appear on the energy market, alternative energy develops in the world, the need for countries to import energy resources changes. Developed countries are increasingly concerned about reducing energy dependence on third countries, as well as the environmental

aspect, while developing countries tend to consume the cheapest energy. Under the influence of modern trends, the world market for fuel and energy resources is being transformed, and the need to change energy policy has affected many national economies.

Based on the results of the study, confirmed that the external economic factors of energy security in the consuming and producing countries are identical, but have opposite meanings, which is expressed in what is a positive impact for some, has a negative impact on others.

REFERENCES

1. Presidential Decree No. 216 of May 13, 2019 "The Energy Security Doctrine of the Russian Federation – a strategic planning document to ensure the national security of the Russian Federation".

2. Baev I. A., Karimova T. G. Indicative analysis of enterprise energy security // Bulletin of SUSU. Series: Economics and Management. 2009. № 8 (141). P. 1–12.

3. Kaverin A. A. Strategic priorities of innovative development of the oil industry in Russia // Vestnik GUU. 2015. № 13. P. 9–16.

4. Bortalevich S. I. Methodological basis for assessing the energy security of the regions // Economic Analysis: Theory and Practice. 2012. № 38. P. 4–6.

5. Niazbekova Zh. K. Pricing factors of the world market // EKO. 2019. № 9. P. 7–22.

6. IEA – International Energy Agency, IEA (International Energy Agency) URL: www.iea.org/areas-ofwork/globalengagement (access date: 05.12.2021).

7. Kozhevin V. D. Analysis of the state of the Russian oil and gas complex on the basis of key primary indicators // Interexpo Geo-Siberia. 2017. P. 13–16.

8. Lomakina O. B. Russia's Strategic Interests in International Energy Security // MIR (Modernization. Innovations. Development). 2016. № 4 (28). P. 15–25.

9. Katyukha P. B., Tsvetaev Yu. V. Petroleum contracts in euros in the context of growing uncertainty in world energy markets // Russian Foreign Economic Bulletin. 2019. № 3. P. 18–23. Hamilton J. D., Oil and the macroeconomy, The new Palgrave Dictionary of Economics, MacMillan. 2015. P. 363–398.

10. Hederus F., Azar C., Johansson D. Energy security policies in EU-25. The expected cost of oil supply disruptions, Energy Policy, № 38. 2010. P. 1241–1250.

11. Hunt L. C., Judge G., Ninomiya Y. Underlying trends and seasonality in UK energy demand: a sectoral analysis, Energy Economics, № 25. 2013. P. 93–118.

12. IEA, The IEA Model of Short-term Energy Security (MOSES). Primary energy sources and secondary fuels, International Energy Agency Working Paper. 2014. P. 93–100.

13. Official website of the Ministry of Energy of the Russian Federation. URL: www.minenergo.gov.ru (access date: 05.12.2021).

14. BP Statistical Review of World Energy 68th edition URL: www.bp.com (access date: 05.12.2021).

15. EY Global Oil and Gas Tax Guide URLwww.ey.com (access date: 05.12.2021).

16. IEA – International Energy Agency, IEA (International Energy Agency) URL: www.iea.org/areas-ofwork/globalengagement (access date: 05.12.2021).

17. Information analytical portal – Oil of Russia. URL www.oilru.com/sp/10/445 (access date: 05.12.2021).

18. The official website of "Imperial Energy". URL: www.imperialenergy.com/ru (access date: 05.12.2021).

19. Organization of Petroleum Exporting Countries, OPEC. URL www.opec.org/opec_web/en (access date: 05.12.2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дьячкова Анна Викторовна

(Россия, Екатеринбург) кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и экономической политики Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, e-mail: a.v.diachkova@urfu.ru, ORCID: 0000-0003-4970-1820, Scopus ID: 57211156711.

Контобойцева Анна Евгеньевна

(Россия, Екатеринбург) студент Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, e-mail: iamkontoboitseva@gmail.com.

AUTHORS' DETAILS

Anna V. Diachkova

(Russia, Ekaterinburg) Associate Professor, PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Economic Policy, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, e-mail: a.v.diachkova@urfu.ru ORCID: 0000-0003-4970-1820, Scopus ID: 57211156711.

Anna E. Kontoboitseva

(Russia, Ekaterinburg) Student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, e-mail: iamkontoboitseva@gmail.com.

БИЗНЕС
МЕНЕДЖМЕНТ
ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

12+

Адрес редакции журнала:
620034, Екатеринбург, ул. Колмогорова, д. 54, оф. 303, тел./факс: +7 (343) 367-43-01,
web-сайт: bmpravo.usla.ru, e-mail: bmpjournal@gmail.com

Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательском доме «Ажур»:
620075, Екатеринбург, ул. Восточная, д. 54, тел.: +7 (343) 350-78-28, +7 (343) 350-78-49,
web-сайт: azhur66.ru, e-mail: azhur.ek@mail.ru

Подписано в печать 15.12.2021 г. Формат 60×84/8. Бумага писчая. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,97. Уч.-изд. л. 6,20 л. Тираж 250 экземпляров. Заказ № 326. Дата выхода в свет: 31.12.2021 г.

Цена свободная. Периодичность 4 раза в год

Подписка: Каталог Агентства «Роспечать» – «Газеты. Журналы»: 18626.
ISSN 2072-1722

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Номер Свидетельства ПИ № ФС77-27031 от 25 января 2007 г.

Все товары, рекламируемые в журнале, подлежат обязательной сертификации, услуги – лицензированию. За содержание рекламируемых материалов редакция ответственности не несет. Авторские материалы не являются рекламными. Любая перепечатка, использование иллюстраций или копирование авторских и рекламных материалов возможны только в случае предварительного письменного соглашения с редакцией журнала «Бизнес, менеджмент и право». В случае нарушения указанного положения виновное лицо несет ответственность в соответствии с действующим законодательством РФ